

Военные
Приключения

ДРУГ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА

ИРИНА ПЕВИТ

Ирина Семеновна Левит

Друг большого человека

Серия «Военные приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69163480

И. С. Левит. Друг большого человека: ООО «Издательство «Вече»;

Москва; 2022

ISBN 978-5-4484-3796-0

Аннотация

Убивают лучшего друга и советника мэра уральского города. Причем убивают нагло – прямо в его кабинете, в разгар рабочего дня... Официальное расследование не дает никаких результатов. И тогда в Градовск приглашают Аркадия Михайловича Казика. Как очень наблюдательного человека, как детектива, имеющего «свежий взгляд». При этом череда преступлений и странных событий продолжается... Неугомонный Казик всегда сторонился чиновников. Но и выхода у него нет: погрузившись в их жизнь, в их сложные взаимоотношения, он должен найти преступника...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	65
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ирина Левит

Друг большого человека

© Левит И. С., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

* * *

Глава 1

В 22.00 сотрудники охраны мэрии Градовска начинали традиционный обход. Дежурившие в этот вечер Сидорчук и Лапин вышли на улицу и направились вокруг пятиэтажного здания, высматривая, есть ли свет в каком-нибудь окне. Света нигде не наблюдалось, за исключением лестничных пролетов, и это означало, что все работники мэрии покинули свои кабинеты. Даже в левом крыле третьего этажа окна были темны, хотя именно там свет обычно горел дольше всех.

В левом крыле находились кабинеты мэра и сотрудников его Аппарата, то есть тех, кто непосредственно работал на главу города. Мэр редко приезжал на службу раньше девяти утра, но часто уезжал после десяти вечера. И всегда с ним оставались, помимо секретаря, кто-то из помощников, а то и не один, и почти непременно руководитель Аппарата. На сей раз все разъехались после восьми.

Завершив обход здания с внешней стороны, Сидорчук и Лапин принялись за осмотр внутренних помещений. Они шли по коридорам, этаж за этажом, выключая освещение и проверяя, заперты ли двери кабинетов. Почти каждый день обнаруживался кто-то из припозднившихся, охранники делали при этом пометку в блокноте, но нынче блокнот остался пустым.

В левом крыле третьего этажа Сидорчук и Лапин первым

делом направились в самый торец, к двери приемной мэра, удостовериться, что она опечатана по всем правилам. Правила, как всегда, были соблюдены, впрочем, ничего другого они и не ждали: если бы кто-то без предупреждения попытался нарушить печать, немедленно бы сработала сигнализация. Но инструкция требовала дополнительной проверки, и охрана эту инструкцию дисциплинированно выполняла.

Никто из сотрудников Аппарата не отличался забывчивостью и сроду не оставлял свой кабинет незапертым, однако Сидорчук с Лапиным, двинувшись по коридору в обратном направлении, методично подергали все дверные ручки. Последней была дверь, на которой, в отличие от прочих, не висело никакой таблички. Однако же все, кому полагалось, и так знали, что здесь находится кабинет Леонида Борисовича Бузмакина – человека, официально занимающего солидную, но все же далеко не самую высокую, должность советника мэра и при этом неофициально обладающего совершенно особым статусом его лучшего друга.

– Сегодня утром разнос устроил, – недовольно покривился Сидорчук в сторону двери. – Снег, видите ли, у служебного входа до асфальта не счистили. А как его счистишь-то, когда он сыпет и сыпет? Дворники и так спозаранку скребли. Они скребут, а с неба валится.

– Ну-ну, – покивал Лапин. – Бузмакин сам как на голову свалится, так придавит до самого асфальта.

И охранники дружно вздохнули. Вот ведь тип этот Бузма-

кин – с виду ничего особенного, а силища!.. А чего удивляться? Друг большого человека. Самого, можно сказать, большого в этом городе.

Сидорчук неприязненно покосился на безымянную дверь, словно она была в чем-то виновата, вознамерился двинуться дальше, но притормозил, насторожившись. По низу тянуло холодом.

– Дует вроде, – проговорил он озадаченно. Нагнулся, поводил ладонью. – Точно, дует.

– Окно, что ли, забыл закрыть? – спросил у напарника Лапин и сам же ответил: – Проветривал, небось, и куда-то быстро сбёг. А окно закрыть забыл. А ночью мороз вдарит, батарея разморозится, Бузмакин шум до потолка поднимет. И будут ему все виноваты.

И охранники вновь дружно вздохнули. И шум поднимет, и виноваты все будут – это уж наверняка. А потому надо топтать на первый этаж, на пост у главного выхода, за запасными ключами.

– Ладно, я схожу, – сказал молодой и покладистый Лапин.

– Сделай доброе дело, – откликнулся Сидорчук, которому еще днем новые ботинки успели натереть пятки, а лифт уже отключили.

Вернулся Лапин довольно быстро, причем вместе со старшим по смене Саньковым, и Сидорчук подумал, что оно, конечно, правильно. По инструкции, присутствие «старшего» требовалось только тогда, когда вскрывали кабинеты мэра

и его заместителей. Но это же Бузмакин!.. Уж лучше перебдеть, чем недобдеть.

Дверь распахнулась, и из комнаты со свистом вырвался поток морозного воздуха, который беспрепятственно проник в кабинет через приоткрытое окно.

– К утру точно бы батарея каюк! – ужаснулся Лапин.

– Это уж да... – солидно изрек Саньков, включил свет и огляделся. – Похоже, Леонид Борисович сильно куда-то заспешил, вон и телефон свой забыл, – кивнул он на стол, где на самом видном месте лежал мобильник. – Может, вернется еще? Куда он без телефона-то? – И тут же насупился. – Вернется, поди, а мы тут кабинет его вскрыли. Еще выговаривать начнет...

– А если не вернется? Выморозится весь кабинет, и батарея, опять же... А нам потом по башке настучат. Как пить дать, настучат! – то ли утешил, то ли пригрозил Лапин и двинулся к окну.

Он аккуратно обогнул стол, чтобы, ни приведи господь, не сдвинуть ни одну бумажку, потянулся к фрамуге и...

Лапин вскрикнул так, словно ему в буквальном смысле слова чем-то шарахнули по голове.

– Здесь... здесь... – Он обалдело выпучил глаза и принялся тыкать пальцем куда-то в пол.

– Что здесь?! – тут же ринулись от двери напарники.

Между оконной стеной и письменным столом лежал, скрючившись, Леонид Борисович Бузмакин. В спине у него

торчал нож.

Глава 2

Аркадий Михайлович знал, что это закончится скандалом, – скандалом и закончилось. Все праздники сестра Софочка молчала, терпела, крепилась, но сегодня, спустя десять дней после Нового года, взорвалась.

Нет, она не шумела, не кричала и тем более не била посуду. Столь неинтеллигентных, по ее мнению, поступков она не допускала. Но лучше бы она шумела, кричала и била посуду! Профессиональный психолог Аркадий Михайлович Казик знал: чем больше Софочка сдерживается, тем страшнее будут последствия.

Утром, как только он вышел из своей спальни, сестра сказала тоном, не терпящим возражений:

– Вставай на весы!

– Зачем, душенька? – изобразил полное непонимание брат.

– Хочу посмотреть, сколько ты прибавил в весе за праздники.

– А почему я должен был прибавить? Я ведь не рождественский гусь, – попытался отшутиться Аркадий Михайлович, но был цепко ухвачен за пухлое плечо и едва ли не силком препровожден в ванную, где лежали напольные весы.

В принципе Аркадий Михайлович вполне мог оказать достойное физическое сопротивление – ну, хотя бы потому,

что был хоть и на голову ниже сестры, однако же раза в два ее тяжелее. Но это не имело никакого смысла. Что касалось веса, то на самом деле у Софьи Михайловны его было гораздо больше... в моральном плане. Тощая, как хворостина, она служила вечным примером толстому Аркадию Михайловичу. Женщина с железным характером, она являла собой вечный укор слабохарактерному по части еды брату.

Да, Аркадий Михайлович мог воспротивиться, но покорно водрузился на весы. Какой смысл устраивать акции протеста, если они все равно будут жесточайше подавлены?

– Та-а-к... Плюс три килограмма... – угрожающе проговорила пример и укор. – За десять дней три килограмма! Ты умолял меня, чтобы я дала тебе есть все, что ты захочешь, и столько, сколько захочешь. Ты уверял, что какие-то десять дней ничего принципиально не изменят. И вот пожалуйста! Три килограмма! Ты получишь инфаркт и инсульт! Хотя, может, ничего не получишь, потому что просто лопнешь! Я устала биться за твое здоровье, которое непременно однажды рухнет под тяжестью твоего веса... Но я все равно буду за тебя бороться! Так и знай!

– Ну это же праздники!.. Новый год!.. – взмолился Аркадий Михайлович. – Совершенно невозможно сидеть в такие дни на диете. Это, в конце концов, бесчеловечно!

– Бесчеловечно? Заботиться о тебе – бесчеловечно? – угрожающе уточнила Софья Михайловна и, прежде чем Аркадий Михайлович успел произнести хоть слово, ледяным

тоном, какой всегда у нее бывал в минуты крайнего возмущения, принялась выговаривать, что она думает об обжорстве, изворотливости, лживости и прочих пороках брата.

Все это Казик слышал много раз и много раз каялся, соглашался, давал обещания, а затем вновь объедался, извораживался и обманывал. Так продолжалось долгие годы и, судя по всему, конца этому не было видно даже в самый сильный бинокль.

Звонок на мобильник раздался в тот самый момент, когда сестра пообещала самую страшную кару: еду, состоящую сплошь из капустных котлет, свекольной запеканки и обезжиренного творога. От ужаса Аркадию Михайлович показалось, что его и впрямь сейчас хватят инфаркт и инсульт.

– Да! – перепуганно крикнул он в трубку и услышал удивленное:

– Аркадий Михайлович? Здравствуйте. Что с вами?

– А-а-а... – махнул он рукой, чуть не шарахнув мобильником по столу. Тяжело вздохнул и спросил с ответным удивлением: – Дмитрий Данилович, это вы?

– Я, – подтвердил невидимый собеседник.

В принципе в этом звонке не было ничего особенного. Однако Аркадий Михайлович и впрямь удивился.

Дмитрий Данилович Сафьянов время от времени поздравлял, но исключительно по особым праздникам – в Новый год и в дни рождения Аркадия Михайловича и Софьи Михайловны. Новый год был отпразднован десять дней назад,

до дней рождения предстояло ждать еще несколько месяцев, и вдруг Сафьянов объявился вновь.

«Наверняка потребовалась какая-то помощь», – прикинул Казик, хотя, по логике, что такого эдакого мог сделать доцент кафедры психологии педуниверситета для крупного бизнесмена, владельца сети производственных и торговых компаний? Впрочем, однажды именно психолог сильно помог бизнесмену – и вряд ли кто другой смог бы так помочь.

– Рад вас слышать, – сказал Казик, и это было не только проявлением дежурной вежливости. К Сафьянову Казик относился с уважением и даже симпатией. А почему бы нет? Умный, хорошо воспитанный и достаточно порядочный человек. Среди бизнесменов подобные тоже встречаются.

– У вас странный голос. Какие-то проблемы? – спросил Сафьянов.

Аркадий Михайлович бросил быстрый взгляд на сестру и шмыгнул в спальню, плотно прикрыв за собой дверь. Воспитанная Софья Михайловна фыркнула, но ломиться к брату не стала.

– Моя сестра устроила мне взбучку из-за того, что я поправился на три килограмма, – пожаловался Казик. – Вы как раз позвонили в самый разгар.

– Ну-у... – протянул Дмитрий Данилович. – Если мне не изменяет память, эта проблема у вас хроническая.

– Да, – так же жалобно произнес Аркадий Михайлович. – Но хроническая болезнь тем и ужасна, что она практически

не излечима. Вы позвонили исключительно вовремя. Я уж думал, Софочка заключает меня до смерти.

Сафьянов весьма выразительно хмыкнул. Софья Михайловна с ее могучим, похожим на клюв попугая, носом и впрямь могла заклевать. Впрочем, у самого Аркадия Михайловича нос ничем не отличался, так что вполне было чем обороняться.

– Я вам, Аркадий Михайлович, звоню в общем-то по делу, – сказал Сафьянов. – Очень бы хотел попросить вашей помощи.

– А что случилось? – мысленно похвалил себя за догадливость Казик.

– Это не телефонный разговор. Но если бы вы могли со мной встретиться... в любое удобное для вас время. Я пришлю за вами машину. Но... – Сафьянов выдержал короткую паузу, – очень бы хотелось встретиться побыстрее.

– То есть буквально сейчас? – уточнил психолог.

– Я высылаю машину, – истолковал на свой, удобный ему, лад бизнесмен.

– Высылайте, – разрешил Аркадий Михайлович, мысленно порадовавшись возможности побыстрее сбежать от грозы.

...Казик никогда не заезжал в офис Сафьянова, но был уверен, что тот явно располагается не в ресторане. Однако шофер привез его именно в ресторан, причем очень дорогой, о чем свидетельствовали цены, выписанные в меню.

– Подозреваю, милое общение с сестрой не позволило вам нормально позавтракать, – не столько спросил, сколько констатировал факт Дмитрий Данилович. – Так что угощайтесь, не стесняйтесь.

– Стесняться – это вы о ценах? – Казик похлопал ладонью по толстому, из тисненой кожи, переплету папки меню.

– Цены? – Сафьянов усмехнулся. – Бросьте, Аркадий Михайлович! Если бы вы жили только на зарплату университетского доцента, тогда вы могли бы испытывать определенные моральные неудобства. Но ваша очень успешная частная психологическая практика... Вы вполне можете себе позволить завтрак в подобном ресторане.

– Время от времени – да, – согласился Казик. – Но далеко не каждый день. Каждый день – это уж чересчур.

– Вас убьет Софья Михайловна. Причем не за мотовство, а за обжорство!

И Сафьянов рассмеялся. А вслед за ним рассмеялся и Казик. Что верно, то верно. Сестра никогда не жалела денег на брата, но всегда жалела для него вкусной еды.

Еда в ресторане и впрямь оказалась исключительно вкусной, и Аркадий Михайлович, с удовольствием «заев» последствия устроенной ему утром взбучки, отдал Сафьянову должное:

– Правильно говорят, Дмитрий Данилович, что настоящий бизнесмен обязательно должен быть хоть немного психологом. Ваш психологический ход исключительно удачен.

Вы предложили мне прекрасную еду, прекрасная еда подняла мне настроение, мое прекрасное настроение еще больше расположило меня к вам, а вы теперь постараетесь взять меня голыми руками.

– Ну да, конечно, вас возьмешь голыми руками! Вы скользнете, как масленок между пальцами, – не то с иронией, не то с одобрением заметил Сафьянов.

– А это зависит от того, с какой целью вы хотите меня взять.

Казик допил остатки кофе, вытер губы салфеткой, отодвинул пустую креманку из-под десерта и спросил уже совершенно серьезно:

– Так какая вам понадобилась помощь? Вам нужен квалифицированный психолог?

– Нет, мне нужен умный детектив, – столь же серьезно ответил Сафьянов.

– Детектив? – озадаченно уточнил Казик. – У вас опять что-то случилось?

– Нет, у меня лично, к счастью, все в порядке. Но ко мне обратился один человек... А я обращаюсь к вам.

– Но вы же знаете, – Аркадий Михайлович неопределенно пожал плечами, – профессионально я этим не занимаюсь... Так, любительствую... Причем исключительно в силу определенных обстоятельств...

– Обстоятельства очень серьезные. – Сафьянов нахмурился, покачал головой. – Речь идет об убийстве. Причем опять

же очень серьезного человека.

– Вы с ума сошли! – Казик аж отпрянул. – Даже частные детективы с лицензией не имеют права этим заниматься. А я без всяких бумаг и прав, и вообще...

– Не прибедняйтесь! – прервал Сафьянов. – Не могу не напомнить, что мы с вами познакомились как раз в связи с убийством. Причем двумя убийствами. И вы очень даже замечательно все раскрутили, и, кажется, даже тот полицейский, Орехов, по-моему, его фамилия, был вам весьма благодарен. И никаких лицензий у вас никто не спрашивал и никакие права не качал.

– Ну так ведь это были те самые определенные обстоятельства... И это был Борис Борисович Орехов, человек с пониманием... Кстати, может, к Орехову вам и обратиться? Он теперь замначальника городского уголовного розыска. Я готов с ним переговорить. Убежден, он...

– Убийство произошло в другом городе, – вновь прервал Сафьянов.

– Помилуйте!... – Казик даже руками развел. – О чем тогда идет речь?!

– О чем идет речь, я вам сейчас расскажу. А вы меня внимательно послушайте. Пожалуйста...

– Ну, хорошо, я готов. – Аркадий Михайлович вздохнул и поудобнее умастился на стуле. – Послушать я, конечно, всегда готов. Я все-таки психолог.

– Вы когда-нибудь слышали о городе Градовске? – спро-

сил Сафьянов.

– Э-э-э... – Казик задумался. – Это, кажется, где-то на Урале...

– Совершенно верно, и, между прочим, не самая маленькая дыра. Около четырехсот тысяч жителей.

– Да, не дыра, – признал Казик.

– Так вот незадолго до Нового года в этом городе убили человека. Некого Леонида Борисовича Бузмакина.

– Весьма печально.

– Еще как печально! Потому что, во-первых, Бузмакин – советник по должности и лучший друг по жизни тамошнего мэра Вячеслава Васильевича Романцева. А во-вторых, убили его, ножом зарезали, прямо в мэрии, в собственном кабинете.

– Не может быть! – поразился Казик.

– Очень даже может. Убили его средь бела дня, когда в мэрии было полно народа. Но обнаружилось все уже ближе к ночи, когда охрана проверяла помещения.

– Весьма дерзко... И странно... – озадаченно протянул Аркадий Михайлович и уточнил: – Преступника, насколько я догадываюсь, не нашли?

– Даже вразумительной версии, кто мог убить и зачем, тоже пока не нашли. Понятно, что прежде всего рассматривают профессиональную деятельность и личную неприязнь. Хотя, полагаю, и первое, и второе может быть сильно переплетено. Леонид Борисович Бузмакин – это такая величина!..

Официально по статусу любой заместитель мэра его выше. А неофициально... только сам мэр. Да и то не факт. Бузмакин стоял за спиной Романцева, и все в первую очередь за спину и заглядывали. Вот такой был господин великий, самый настоящий «серый кардинал». А его кто-то взял и пырнул ножом буквально в нескольких метрах от кабинета мэра. Наглость невероятная!

– Да уж, – согласился Аркадий Михайлович. – Надо иметь очень сильный мотив, чтобы на такое пойти. И надо быть очень неслабым человеком, чтобы на такое отважиться. И надо иметь возможность... Мэрия, это ведь, надо полагать, не место массовых гуляний, приходи, кто пожелает, шлейся, где хочешь? Там ведь охрана... пропускная система...

– А вы когда-нибудь в нашу мэрию заходили? Не в последние годы, а в прежние времена? – поинтересовался Дмитрий Данилович.

– Ну... я, знаете ли, не так давно живу в нашем городе и вообще ходить в мэрию мне абсолютно без надобности, – пожал плечами Казик.

– А!... Ну да... – кивнул Сафьянов. – Так вот там лет десять охрана была, а пропускной системы не было. И в рабочее время любой мог в мэрию зайти свободно.

– Неужели?! – искренне удивился Казик.

– Уверяю вас. Это вы в мой офис без пропуска не зайдете. И в офисы множества других контор, куда более мелких. А в мэрию можно было. И в областную администрацию

тоже... при прежнем губернаторе. А нынешний губернатор порядки поменял, бюро пропусков организовал, мэру тоже пришлось перестроиться. Так что теперь туда без документа не сунешься. А в мэрию Градовска – пожалуйста. Вот такой тамошний мэр демократ! Впрочем, перед отсеком, где кабинет самого мэра, охранник есть, просто так не пропустит, но кабинет Бузмакина был хоть и рядом, но в общем коридоре. И там мог оказаться кто угодно.

– Любопытно... очень любопытно... – пробормотал Казик и тут же осекся, поймав взгляд Сафьянова – внимательный и одновременно вроде как усмехающийся. – Конечно, любопытная история, не спорю! – заявил Аркадий Михайлович с вызовом. – Но пытаться втянуть в эту историю меня совершенно нелепо! Я думаю, там всю полицию на голову поставили.

– Расследованием руководит следственный комитет.

– Какая разница? В любом случае подключили всех, кого можно. И вдруг я явлюсь в славный город Градовск! Вы ведь хотите, чтобы я туда явился? Но с какой стати? Я ничего и ничего там не знаю. Да со мной даже говорить никто не станет. И это еще самое лучшее! А худшее – придерутся к чему-нибудь и засунут в каталажку, чтобы я свой еврейский нос не совал в чужие дела. Помилуйте, Дмитрий Данилович, вы же умный человек!

– Да, умный, – согласился Сафьянов. – И потому никогда не стану предлагать вам всякие глупые авантюры. Хотя вы,

по большому счету, авантюрист. И не спорьте, Аркадий Михайлович, не спорьте! Я потому к вам и обратился, что вы как раз тот человек, который может согласиться и который может реально что-то сделать.

– Например, попасть в тюрьму...

– Да ничего подобного! Вас сам руководитель городского следственного комитета встретит с цветами. И мэр примет как родного! И будет у вас человек, который, в отличие от вас, в этом городе знает все. И питаться вы станете в самых лучших ресторанах хоть по десять раз на дню! По крайней мере в деньгах ограничений у вас не будет. Разве что без пригляда вашей сестры у вас ограничится аппетит.

– Вы шутите?

– Если про аппетит, то да, шучу, а если про все остальное...

– Дмитрий Данилович! – Казик посмотрел с сомнением. – Я все это как-то не совсем понимаю...

– Аркадий Михайлович! Я действительно не шучу. Я не стану вам рассказывать, по чьей просьбе к вам обращаюсь. Извините, пока не могу. Но мэр в курсе. Более того, он очень заинтересован в вашем приезде. У него есть к вам совершенно определенный интерес.

– Лично ко мне?!

– К такому человеку, как вы, – внес поправку Сафьянов. – К человеку из другого города, ни с кем в Градовске не связанному, не имеющему никакого отношения к правоохрани-

тельными органам и при этом хорошему психологу. Потому что есть некий круг людей, которых и полиция, и следки при расследовании убийства Бузмакина стараются обходить стороной. Не то что боятся, но... скажем так, не решаются. И мэр не настаивает, поскольку именно с этими людьми работать надо очень и очень тонко.

– Вы меня интригуете, – признался Казик. – Эти люди – члены семьи Бузмакина?

– Нет. С членами семьи как раз все ясно. Я говорю о сотрудниках Аппарата мэра.

– Аппарат – это что? – не понял Аркадий Михайлович.

– Да-а-а... – покачал головой Дмитрий Данилович. – Вы действительно очень далеки от чиновного мира. Но я вам объясню. Аппарат – это группа сотрудников, которые непосредственно работают на мэра: прежде всего секретари и помощники, иногда пресс-секретарь и советники. У Романцева пресс-секретаря нет, а советник имелся только один – Бузмакин. У мэра есть заместители, большие люди, но у каждого из них свой конкретный участок работы. Кто-то, к примеру, отвечает за политические вопросы, кто-то за экономические, кто-то за социальные... А сотрудники Аппарата отвечают непосредственно за работу мэра. Именно они – самый ближний круг, самые доверенные люди. И очень часто – самые влиятельные. В чиновном мире это все хорошо знают, а потому к Аппарату относятся по-особому. Так вот, местные правоохранители прошерстили весь город и всю мэрию, но

пока не подступаются к Аппарату. Романцев заявляет, что сотрудники Аппарата, как жена Цезаря, вне подозрений. Однако заявлять — это одно, а думать... Романцев не верит, что к убийству его самого близкого друга имеет отношение хоть кто-то из его самых близких сотрудников. Но он хочет получить четкие доказательства. И при этом, как говорится, не вынести сор из избы. Вот почему он не желает доверять это дело ни местным следователям, ни кому-либо из своего города. Ему нужен совершенно посторонний надежный человек, который...

— Минуточку! — перебил Казик. — Насколько я понял, с моей помощью мэр хочет убедиться в абсолютной чистоте и невинности своего Аппарата. Но если я правильно понимаю вас, с моей помощью вы хотите добиться несколько иного?

— Да, я хочу, чтобы вы попытались найти убийцу.

— В одиночку? В чужом городе? Без связей и знакомств?! Пользуясь лишь тем, что руководитель следственного комитета встретит меня с цветами, а мэр с объятиями? Вы преувеличиваете мои возможности, дорогой Дмитрий Данилович!

— Надеюсь, не преувеличиваю, дорогой Аркадий Михайлович. К тому же в Градовске, как я вам уже сказал, вас встретит человек, который вам будет во всем помогать. И отсюда с вами поедет человек, который, поверьте, тоже очень хорошо знает свое дело. И если вы меня станете уверять, дескать, у вас дома масса дел, я вам отвечу, что в вашем уни-

верситете идет сессия, свои экзамены вы уже приняли, впереди каникулы, а что касается вашей частной практики... — Сафьянов взял бумажную салфетку и быстро вывел на ней цифры, — я заплачу гораздо больше, чем ваши клиенты.

Казик глянул на цифры и вытаращил глаза.

— Полагаю, это достойная плата за ваши труды? — Дмитрий Данилович едва заметно улыбнулся.

— Более чем, — вздернул уголки губ Аркадий Михайлович.

— Но самое главное, — уже без улыбки сказал Сафьянов, — что вы окажете невероятную услугу человеку, который крайне заинтересован найти убийцу. Впрочем, вы ведь и сами считаете, что убийца всегда должен быть найден, и никогда не отказываетесь помочь в столь благородном деле?

— Я не могу гарантировать вам положительный результат. Но... — Казик вздохнул. — Я постараюсь.

— Огромное спасибо! — с чувством произнес Сафьянов. — Тогда, если не возражаете, проедем в мой офис. Я познакомлю вас с отличным парнем, который станет вашим компаньоном.

Поначалу «отличный парень» произвел на Аркадия Михайловича воистину пугающее впечатление. Некто почти двухметрового роста с широченной грудью, необъятными плечами и могучей шеей. Выражение «качок» для него было слишком нежным определением. Аркадий Михайлович задрал голову и с внутренним страхом уставился на то, что

венчало эту гору. По идее, наверху должна была лежать каменная глыба с грубо выточенным барельефом, однако это было хоть и крупное, но вполне симпатичное лицо с ямочкой на подбородке и выразительными синими глазами, которые смотрелись особо ярко в сочетании с темными, аккуратно подстриженными волосами.

– Познакомьтесь, – сказал Сафьянов, – Игорь Анатольевич Вандовский.

– Как, простите? – переспросил Аркадий Михайлович.

– Ван-дов-ский, – повторил великан по слогам и улыбнулся, отчего ямочки образовались уже и на щеках. – А вам, наверное, показалось, что Ван-дам-ский?

– Ассоциации... – Казик тоже улыбнулся, при этом несколько смущенно.

Он никогда не был поклонником американских боевиков, но кто же не видел фильмов с Жан-Клодом Ван Даммом? Новый знакомый, по крайней мере фигурой, вполне мог соперничать.

– Да ничего страшного! У многих ассоциации с Ван Даммом. Потому и прозвище мне дали ВанДамский. Причем Дамский – самое забавное. Но я к этому отношусь с юмором.

– У нас Игорь Анатольевич вообще человек с юмором. Так что вам, Аркадий Михайлович, с ним ни скучно, ни трудно не будет. А будет очень даже удобно, – заверил Дмитрий Данилович.

– Это точно, – подтвердил Вандовский-ВанДамский. – Я и

чемодан ваш без проблем подхвачу, и в ресторане компанию достойную составлю. Так что не беспокойтесь.

«А по части реальной работы как насчет достойной компании?» – прикинул Казик и внимательно посмотрел в ярко-синие глаза. Глаза были усмешливыми, но при этом умными.

Глава 3

Вячеслав Васильевич Романцев любил свой кабинет. И прежде всего окно – огромное, изогнутое в виде фонаря, открывающее обзор сразу на три стороны. Те, кто в конце семидесятых годов проектировали пристройку к старому зданию, наверняка надеялись на стремление высшего начальства к панорамному видению. А те, кто в тридцатые годы реконструировали основное здание под нужды партийно-советского руководства города, явно оценили очень удачный выбор предшественников – членов Общества промышленников, которые еще в девятнадцатом веке выбрали для своей, как бы сейчас сказали, штаб-квартиры, самую высокую точку на самом высоком холме Градовска.

Отсюда, с этой самой «точки», город просматривался на многие километры, и, стоя у окна, Вячеслав Васильевич почти всегда испытывал совершенно особое чувство – большой власти и большой ответственности. Порой это чувство его вдохновляло и окрыляло, порой давило и угнетало, но ни разу не породило желания отказаться от власти и от ответственности.

Он любил этот город – как любят счастливое детство. Его детство было действительно счастливым и прошло именно здесь, в микрорайоне, расположенном между двумя заводами – металлургическим и горного оборудования. Ведом-

ственные дома, в основном деревянные трехэтажки, окруженные небольшими двориками, стояли по соседству, но мальчишки все равно делили территорию на «металлургов» и «горняков», периодически выясняя отношения, кто круче. Порой дело доходило до серьезных ссор, а то и драк, однако родителей в такие разборки обычно никто не впутывал – это, по негласным правилам, считалось западло.

Мама Славы Романцева работала на заводе горного обогащения, а папа – на металлургическом, и это обеспечивало сыну совершенно особый статус: у малолетних представителей заводских кланов он выполнял роль посредника, миротворца, сызмальства научившись ловко лавировать между разными интересами и успешно разруливать сложные ситуации. И этот опыт, приобретенный в детстве, много раз помогал Романцеву во взрослой жизни.

Он помнил город почти сплошь состоящим из деревянных домов, многие из которых были построены еще при царе. В одной комнате подчас жили целой семьей, но тогда ему, мальцу, это казалось естественным. Уже позже он осознал, насколько же город припозднился в своем инфраструктурном развитии. По всей стране шло бурное строительство, миллионы людей переезжали пусть в маломерные, но отдельные, квартиры, появлялись новые современные здания, прокладывались дороги, а Градовск самодовольно гордился производственными успехами своих заводов, начисто позабыв, в каких условиях живут те, кто эти успехи обеспечивает.

Перелом произошел резко, когда неожиданно отправили на пенсию главного хозяина города – первого секретаря горкома КПСС. Ему исполнилось шестьдесят, что для крупного партийного функционера тех времен считалось возрастом самого расцвета. Отправили, естественно, достойно, с почетом, вручив какой-то орден, однако весь Градовск сплетничал: этот нежданный отдых – результат работы некой высокой комиссии, проверявшей социальное развитие города. А комиссия приехала потому, что «на верх» пошли многочисленные жалобы: дескать, развитие производства, перевыполнение плановых заданий – это, конечно, правильно, но партия и правительство требуют еще и заботы о честных тружениках, о том, чтобы расцветали советские города, а вот на это-то местное руководство никакого внимания не обращает, ничего толком не сооружает, кроме пристройки к зданию горкома партии и горисполкома. Вероятно, эта самая пристройка и сыграла ключевую роль. Никто, разумеется, новостройку останавливать не стал, однако первого секретаря «остановили», после чего его преемник со всей активностью занялся общегородской инфраструктурой.

В дальнейшем Вячеслав Васильевич учел и этот опыт: ты можешь все силы отдавать экономике, но если хочешь иметь поддержку населения, в первую очередь демонстрируй заботу о простых человеческих нуждах.

После школы Слава поехал учиться в Свердловск (ставший впоследствии Екатеринбург), в Уральский политех-

нический институт. Жил в общежитии в комнате на пять человек, с туалетом в конце коридора, с душем, который работал всего два раза в неделю. Это было интересное, счастливое время.

Однокурсник Лёня Бузмакин поселился с ним в одной комнате, и они сдружились сразу, накрепко, хотя во многом разнились. Романцев был крупным и внешне внушительным. Бузмакин – щупловатым и внешне неприметным. Романцев исповедовал четкие правила: это – можно, это – нельзя. Бузмакин любил исключения: если не позволительно, но очень хочется, значит надо попробовать. Романцев умел учитывать чужие интересы, тонко используя их в интересах собственных. Бузмакин умел собственные интересы превращать в интересы других. Романцева с самого начала тянуло к практическим делам, и он уже на третьем курсе начал подрабатывать на машиностроительном заводе. Бузмакина увлекала общественная стезя, и он с азартом ринулся в комсомольскую деятельность. После института Романцев распределился на машиностроительный завод, где впоследствии дорос до главного инженера. Бузмакин пошел сначала на комсомольскую, затем партийную работу, став в девяностых годах весьма авторитетным политтехнологом.

Именно Бузмакин двенадцать лет назад подал Романцеву идею попробовать себя на выборах мэра Градовска. А почему бы и нет? Крепкий хозяйственник и опытный управленец вполне востребован в родном городе, где живут родители и

куда Романцев наведывался по крайней мере раз в год, сохранив многие связи. Да, Градовск – это не Екатеринбург, однако же и не деревня Замухрышка. Быть здесь первым во многом более заманчиво, чем сто тридцать первым в столице Урала.

Бузмакин организовал предвыборную кампанию, по справедливости разделив с новым мэром лавры победителя. Позже были еще одни выборы и еще одни, но они уже проходили в рамках плановых мероприятий – жителей Градовска вполне устраивал их земляк на посту руководителя города.

Устраивало это и лично Бузмакина, который мог получить любой пост, но предпочел иметь должность хоть и солидную, но достаточно свободную от строго прописанных должностных обязанностей. Все и так знали, кто в доме второй после хозяина. Знал это, разумеется, и сам Романцев, и его это тоже устраивало. Да, хозяин он, а Лёня за ним, хотя время от времени как раз и выходит вперед. Но лишь для того, чтобы прикрыть собой друга. Потому как есть ситуации, в которые мэру, человеку публичному, соваться вовсе не следует. А что свою выгоду Лёня никогда не упускал – и материальную, и моральную, – так это дело понятное: быть у водицы и не напиться?

Опыт многолетней дружбы дал Романцеву еще один ценнейший опыт: уважай личные интересы надежных людей.

И вот теперь Лёню убили.

Кто? За что? И на первый вопрос, и на второй можно бы-

ло дать множество ответов, но ни одного абсолютно точного. Прошли три недели, полиция перетрясла все, что могла, но не выдала ни одной достоверной версии. И вот теперь появятся эти двое... Совершенно ему, Романцеву, неведомые, чужаки в этом городе, люди, на чей приезд он согласился, потому как не смог устоять перед напором Лёниной жены Валентины. Она уговаривала, и он не посмел отказать. Она заподозрила работников его Аппарата, и он не отважился послать ее к чёрту. Валентина, конечно, права: к Аппарату следователи почти не приближались. Однако сам мэр своим аппаратчикам верил, и если Валентине так уж требовалось подтверждение справедливости его веры, то, решил Романцев, пусть эти подтверждения и впрямь добывают люди со стороны.

Казик и Вандовский...

Вячеслав Васильевич отвернулся от окна, подошел к столу, взял две фотографии, покачал головой. Один похож на героя американского боевика, другой... на героя мультфильма. Странная парочка...

Впрочем, опять же по опыту, он знал: подчас самые неожиданные, самые странные люди и оказываются самыми полезными.

Зазвонил телефон, и секретарша проинформировала:

– Вячеслав Васильевич, в приемной Виталий Георгиевич Мазин.

– Пусть проходит, – распорядился Романцев и отодвинул

стул около приставного стола.

Это место он выбирал всегда, когда предстоял доверительный разговор. А сейчас именно такой разговор и предстоял.

Руководитель городского следственного комитета полковник Мазин явился при параде, то есть в мундире, хотя обычно предпочитал штатскую одежду. Пожал протянутую мэром руку, сел на указанный стул, выложил на стол толстую папку.

– Я готов вам доложить, куда мы продвинулись, – сообщил он.

В принципе руководитель следственного комитета мэру никак не подчинялся, ничего докладывать, по большому счету, обязан не был. Но это если подходить формально. А реально... Когда живешь и работаешь в одном городе, границы формального заметно растворяются.

– А вы куда-то продвинулись конкретно? – спросил Романцев.

Мазин нахмурился:

– Никак нет. Ничего существенного. – Несколько секунд помолчал и продолжил не то чтобы со смущением, но с некоторым напряжением: – Тут, Вячеслав Васильевич, такая вот ситуация... В последние дни мы вынуждены были начать разбираться кое в каких делах Леонида Борисовича... Ну, вы понимаете, в каких делах...

Романцев понимал. И чувства полковника понимал тоже. Потому что получалось, что влезает Мазин своим сапогом

на закрытую территорию, хотя, по идее, имеет на это полное право. Закон запрещает чиновнику заниматься бизнесом? Запрещает. А Бузмакин занимался. Не напрямую, но опосредованно – совершенно точно. Как, впрочем, и многие. И Романцев это знал, закрывал глаза и затыкал уши. Он был достаточно умен и проницателен, чтобы не задавать вопросы, отчего вдруг целый ряд муниципальных заказов в конкурсах выигрывают одни и те же фирмы. Он несколько не обольщался по поводу конкурсов и по поводу фирм, ставших победителями. Не все, но определенные имели самое непосредственное отношение к Лёне.

Напрямую эту тему они никогда не обсуждали – Романцев не начинал, Бузмакин не провоцировал. И хотя время от времени кто-нибудь из сторонних пытался «просветить» мэра, тот всегда находил способ, как уйти от обсуждения скользкого вопроса.

Вячеслав Васильевич вообще очень хорошо умел не замечать того, чего не следовало замечать. И в том числе более чем высокого материального благополучия старого друга, которое совершенно не соответствовало зарплате советника мэра. Один раз, правда, высказался напрямую – когда Бузмакин пригласил на новоселье в только что отстроенный коттедж в элитном загородном поселке. Заявил, дескать, ты, Лёня, все же меру-то знай, люди ведь все видят, разговоры разговаривают и на мэра косятся, как бы до серьезных конфликтов не дошло, особенно в свете ужесточившейся борь-

бы с коррупцией. Лёня тогда усмехнулся и спросил: знает ли дорогой друг, сколько, например, стоил недавний ремонт в его, Славиной, квартире, в какую цену обошелся опять же недавний круиз мэра с женой вокруг Европы и откуда необходимые деньги взялись? И тут же сам ответил, что, разумеется, не знает, потому что в городском бюджете мэр разбирается замечательно, а в бюджете собственной семьи вообще никак.

Это было правдой. В последние годы всем в семье руководила жена Галя. Даже карточку, куда перечисляли зарплату, Вячеслав Васильевич отдал супруге. Он давно привык жить в достатке, но никогда не тянулся к шику и нисколько не интересовался, сколько денег в его семье уходит на еду, одежду, отдых и прочие нужды. Не то чтобы он уж совсем был слеп, однако и в личной жизни старался не замечать того, чего не следовало замечать.

Лишь однажды, уже после новоселья Бузмакина, он потребовал у Гали отчета – это когда она купила себе новый БМВ. Он спросил, сколько стоит, и услышал в ответ, что жена мэра имеет право ездить на хорошей машине. Умению избежать неудобного вопроса, отвечая на совершенно другой, который никто не задавал, но который как раз удобен, Галя научилась у собственного мужа. Вячеслав Васильевич попытался прочитать жене лекцию о правилах хорошего тона, но та заявила, дескать, деньги накопила, плюс Лёня немного одолжил, а вообще машина куплена по случаю, без особых

«накруток», поэтому все в рамках приличий.

Конечно, Романцев не слишком поверил (способностью копить деньги Галя сроду не отличалась), но объяснение принял. А что оставалось делать? Он предпочитал не «напрягать» отношения в семье – ему хватало напряжений на работе.

Вот и сейчас он напрягся, нисколько не усомнившись, что Мазин не только в последние дни, – гораздо, гораздо раньше! – заинтересовался «делами» Бузмакина. И наверняка давным-давно собрал нужное досье, в котором явно есть что-то и про него, мэра, только помалкивал, выжидал нужный момент. А вот теперь момент настал – несколько иной, чем, возможно, предполагал полковник, – и Мазин вынужден по ходу перестраиваться.

– Ну и как, разобрались с делами Леонида Борисовича? – поинтересовался Романцев с хорошо сыгранным равнодушием.

– Разобрались, – осторожно подтвердил полковник и пододвинул к себе папку.

– И что?

– Здесь отчет. – Мазин с явной неохотой переместил папку поближе к мэру.

– Хорошо, я посмотрю, – с еще большим равнодушием отреагировал Романцев и тут же мгновенно преобразился – посуровел, вперился взглядом в глаза полковника, спросил: – Ваше досье хоть как-то проливает свет на убийство моего

советника?

Он намеренно сказал «советника», а не «друга», тем самым отгораживаясь от личного и подчеркивая сугубо служебное.

– Никак нет. – Мазин отвел взгляд. – Мы пока не нашли серьезных зацепок.

– Понятно. – Романцев откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

Этот прием он применял не раз и всегда удачно. Вид впавшего в задумчивость мэра почти на всех действовал одинаково успокаивающе: уж коли мэр не находит правильного решения, то, значит, и мы не настолько плохи.

– Ну, тогда так, Виталий Георгиевич, – Романцев резко открыл глаза, выпрямился на стуле и заговорил со смесью душевности и твердости (это тоже был не раз проверенный прием), – придется мне самому предпринять некоторые шаги, и тут я буду просить вас о понимании и содействии.

– Я готов! – немедленно «клюнул» Мазин.

– Завтра в Градовск приедут два человека. – Романцев приподнялся со стула, потянулся к стопке бумаг, взял лежащие сверху две фотографии и выложил их перед полковником. – Постарше – Аркадий Михайлович Казик. Помоложе – Игорь Анатольевич Вандовский. Я хочу, чтобы они включились в расследование. Неофициально, разумеется.

– А кто они? – насторожился Мазин.

– Серьезные люди... Умеющие разбираться в серьезных

делах... Причем аккуратно.

– Вот эти? – полковник внимательно посмотрел на фотографии и хмыкнул. – Извините, Вячеслав Васильевич, я, конечно, не специалист по лицам читать, но... – он повертел в пальцах фотографии, – странные по виду товарищи. – Мэр молчал, и Мазин продолжил уже уверенно, как и подобает начальнику: – Я плохо верю, что они из нашего ведомства. И что из соседнего ведомства, из ФСБ то есть, не верю тоже. Хотя у «соседей», наверное, всякие могут быть. И что люди они серьезные – тоже как-то сомнительно. А то, что они будут неофициально у нас под ногами болтаться, и вовсе неправильно. Сейчас много всяких, кто обещает горы свернуть и реки вспять повернуть, а на деле только вред один. Я, Вячеслав Васильевич, против всякой любительщины и неофициальщины. Вот такое мое мнение.

И Мазин решительно сдвинул фотографии на край стола. Романцев еще помолчал секунд тридцать, после чего спросил:

– Вы все сказали?

– Это вкратце, – подтвердил полковник.

– Ну а теперь скажу я. – Лицо мэра закаменело, и взгляд закаменел тоже, и голос стал каменным. – Вы, Виталий Георгиевич, пока даже на шаг в нужном направлении не продвинулись. Вы мне папочку принесли. – Романцев взял папку и потряс ею перед носом Мазина. Тот аж отпрянул. – В этой папочке, я так понимаю, деловые операции Бузмакина.

Целое досье собрали, большую работу, надо думать, провели. Причем не вчера начали, давненько приступили. И не любители явно трудились. Сильно уважаемые вами профессионалы постарались. Вот только действовали совершенно неофициально. Хотя, по вашим словам, неофициальщину вы не жалуете.

– Вячеслав Васильевич! – Мазин мотнул головой.

– Перестаньте! – «Камни» мгновенно рассыпались, и наружу вырвался огонь. – Только в расследовании убийства у вас ноль! А убили моего советника! Причем у меня под носом! Да вы знаете, что будет с вами и всем вашим местным ведомством, если я вашему руководству – причем совершенно официально! – свое возмущение выскажу? И не только непосредственно вашему руководству, но и кому повыше! А неофициально добавлю, что убийство в мэрии – это не просто преступление! Это, считайте, террористический акт, подготовку которого правоохранительные органы проморгали! И неважно, какой из всех ваших органов проморгал, разбираться будут со всеми. И это мои соображения, так сказать, вкратце!

– Вячеслав Васильевич!..

– А теперь я другое скажу. – Бушующий «огонь» разом потух, лицо мэра расслабилось и взгляд смягчился, и голос приобрел доверительные нотки. – Убили, Виталий Георгиевич, не просто моего советника – лучшего друга. И сделали это совершенно намеренно у меня под носом. Я не ис-

ключаю, что убийцу знаю в лицо. А если я не знаю, то знает кто-то из людей в моем окружении. Причем коли так, то, надеюсь, человека в моем окружении использовали втемную. Но если я вам позволю тряхнуть своих – тех, кто совсем рядом, – я окажусь в совершенно непотребном положении. Вы помните, что произошло несколько десятилетий назад с канцлером ФРГ Вилли Брандтом?

Полковник не помнил, и Романцев, усмехнувшись, продолжил:

– С ним произошел большой скандал, потому как выяснилось, что его ближайший помощник – шпион ГДР. Я, конечно, не канцлер, но в этом городе я мэр. И подобного скандала допустить не могу. Вы меня понимаете?

– Так Вячеслав Васильевич! – всполошился Мазин. – Мы ж с вашими... которые из Аппарата, побеседовали. Вдруг кто что случайно видел... слышал...

– Ценю вашу деликатность. – Романцев вздохнул. – Но я должен быть окончательно уверен в своих людях.

– Это конечно. – Мазин тоже вздохнул, причем с облегчением.

– Но мне надо получить подтверждение. А сделать это могут те двое. Которые станут работать неофициально. Вы, Виталий Георгиевич, лицо официальное, с вас спрос один. А с них – другой. Их, если понадобится, я всегда остановлю. Они сегодня здесь, а завтра в другом месте, и никаких объяснений не потребуется. И вы с вашими людьми будете ни

при чем. Улавливаете мою мысль?

— Н-да... — Полковник посмотрел на мэра с откровенным восхищением. — Ловко, Вячеслав Васильевич, очень ловко! Только... — восхищение сменилось сомнением, — вид у них какой-то... ну-у... не внушающий...

— Вид бывает обманчивым. По внешнему виду только на конкурсы красоты берут. У нас же с вами другое дело. Тонкое! А эти двое солидные рекомендации имеют. Поэтому прошу вас, Виталий Георгиевич, оказывать им полное и оперативное содействие. Повстречайтесь с ними, пообщайтесь. Они вам помехой не станут. А вот помочь могут. Согласны?

— Так точно! — отчеканил Мазин.

— Тогда я вас не задерживаю. А папочку, — предвосхитил Романцев попытку полковника забрать досье на Бузмакина, — вы оставьте. Вы же это мне принесли? У себя-то наверняка копии сохранили?

И он весьма выразительно хмыкнул. Полковник ничего не ответил, лишь дернул губами, вроде как улыбнулся в ответ, и исчез за дверью.

Оставшись один, Романцев вернулся за свой стол и принялся изучать досье. Занимательность нарытого материала он оценил почти сразу, еще раз убедившись в правильности своей догадки: сотрудники Мазина принялись собирать эту коллекцию задолго до смерти главного персонажа. Подумал, что и на него, мэра, тоже явно досье имеют, только ему, мэру, на это наплевать. Ничего такого-эдакого на него нет, хоть

займись. На Лёню есть, что правда, то правда, только, судя по бумагам, в юридическом плане это к делу не пришьёшь. Вячеслав Васильевич всегда знал, что Лёня умен и исключительно ловок, но тут, похоже, особое мастерство продемонстрировал. Никаких стопроцентных фактов, никаких железных доказательств...

Романцев посмотрел в окно. Из кресла города видно не было – только небо, блекло-серое, унылое, без малейших солнечных просветов. Такое небо он не любил. А город любил всяким – наверное, потому что это был родной город.

Глава 4

До Градовска решено было ехать поездом. Казик, который уже давным-давно не совершал относительно дальних поездок по железной дороге, поначалу воспротивился, но тут же был повержен весьма убедительными аргументами.

Поскольку до Градовска на самолете не доберешься, придется сначала лететь в Екатеринбург, где-то пережить целую ночь, а затем садиться в проходящий состав, который вполне может оказаться какой-нибудь старой тарактелкой, и трястись еще несколько часов. В то же время через Градовск идет вполне приличный поезд, где есть даже вагоны повышенной комфортности, то есть с купе на двоих, и весь путь займет двадцать восемь часов. Это во-первых.

Во-вторых, будет время спокойно обсудить все детали предстоящей работы. Работа действительно предстоит тонкая, так что детали надо заранее тщательно разложить по ячейкам.

Наконец, в-третьих, есть прекрасная возможность как следует познакомиться друг с другом. Все-таки быть напарниками, причем в серьезном деле, – это тоже дело тонкое, не говоря о том, что ответственное.

Они виделись только два раза, причем буквально накануне весьма спешного отъезда, – в офисе Сафьянова и дома у Казика. Аркадий Михайлович сам настоял на этом домаш-

нем визите – и прежде всего потому, что, придумав убедительное объяснение сестре, нуждался в свидетеле. Вандовский, конечно, представлялся Казику свидетелем довольно своеобразным и, по большому счету, не внушающим особого доверия, по крайней мере для Софьи Михайловны, но в версии, придуманной для дорогой родственницы, должна была быть хоть какая-то доля правды.

Аркадий Михайлович был потрясен! Такого от своей сестры он никак не ожидал. Обычно сдержанная и сохраняющая пусть любезную, но четкую дистанцию с малознакомыми людьми, вовсе не склонная к обольщению и красивым словам, Софочка за один вечер преисполнилась искренней симпатией и глубочайшим доверием к Игорю Вандовскому. Хотя в первое мгновение с изумлением уставилась на него своими круглыми, чуть навывкате глазами. Он был слишком велик для ее восприятия – особенно рядом с братом, который вполне мог спрятаться у него под мышкой.

– Чувствую, что я произвел на вас ужасающее впечатление, – прямо с порога сообщил Игорь и улыбнулся.

Улыбка у него была широкая, открытая и совершенно обворожительная. Такие улыбки почти безотказно действуют не только на женщин, но и на большинство мужчин.

– Пока ничего не могу сказать вам о своем впечатлении, – спокойно приняла столь своеобразное признание Софья Михайловна и тут же вновь удивленно расширила глаза.

Прямо перед ней чуть ли не из воздуха материализовал-

ся лишенный вычурности и оттого особенно красивый букет цветов.

– Это мне? – уточнила не привыкшая к подобным, без всякого официального повода, подношениям Софья Михайловна.

– Конечно вам. – Игорь протянул букет, умудрившись одновременно приложиться губами к руке хозяйки дома.

«Мило, но банально, – подумал Аркадий Михайлович. – Софочку этим не проймешь».

– Благодарю, – сестра усмехнулась и нарочито церемонным жестом указала гостю путь в гостиную, прямо к накрытому столу, при виде которого Казик уже полчаса истекал слюной.

– А руки помыть можно? – спросил гость.

– Извольте. Ванная вот там, чистое полотенце висит.

«Мелочь, но Софочке действительно понравится», – прикинул Казик, хорошо знавший, до чего сестра не любит, когда кто-то садится есть с немытыми руками.

– Вы, Софья Михайловна, наверное, решили, что я научился нескольким приличным манерам, а так просто громила и голова у меня пустая, – заявил Вандовский минут через двадцать после начала застолья.

– С чего вы взяли? – слегка опешила от такой прямоты Софья Михайловна.

– А мне так кажется, – пожал плечами громила и в очередной раз улыбнулся.

– Ничего подобного! – тут же воспротивилась хорошо воспитанная хозяйка дома и принялась объяснять, что никогда не судит о людях поверхностно, и внешность у Игоря очень даже приятная, и манеры у него действительно приличные, и за цветы спасибо, хотя цветы зимой, просто так, без всякого повода, это лишнее.

– Как же лишнее?! Я же не мог прийти в дом первый раз, причем к даме, без цветов. Я же вам понравиться хочу! – выдал Игорь.

– А вам обязательно надо мне понравиться? – дама посмотрела с иронией.

– Обязательно! – без малейшей иронии заверил Вандовский. – У меня же корыстный интерес!

– Корыстный?!

– Ну, конечно! Мой шеф, Дмитрий Данилович Сафьянов, очень хочет, чтобы Аркадий Михайлович провел серию психологических тренингов на его предприятии в Градовске. А я хочу, чтобы вы были совсем не против и отпустили Аркадия Михайловича со мной в командировку.

– Аркадий Михайлович – взрослый человек. Я ему не нянька, чтобы отпускать или не отпускать. – Софья Михайловна покосилась на брата, но тот лишь взор потупил.

– Не скажите! Я с Аркадием Михайловичем едва знаком, но уже понял: если мой шеф и я хотим, чтобы он согласился поехать в Градовск, надо, чтобы согласились вы. Вот я и явился в гости познакомиться и стараюсь произвести на вас

хорошее впечатление. Как вы думаете: у меня есть шанс?

Несколько секунд Софья Михайловна молча взирала на странного в своей откровенности гостя и вдруг засмеялась.

– А вы хитрец!

– Да о чем вы? – засмеялся в ответ гость. – Какие хитрости?! Чистую правду говорю! Хотя хитрить я умею, это точно! И сначала так и хотел. А потом решил напрямую, как есть.

«А он умный парень, и весьма артистичный, – оценил Казик, – пожалуй, Софочка ему и впрямь поверит».

Уже через два часа сестра верила всему, что нес Вандовский, а после его ухода заявила, что новый знакомый Аркадия Михайловича очень приятный молодой человек, причем заслуживающий всяческого доверия, и то, что он работает у Дмитрия Даниловича, уже само по себе – хорошая рекомендация.

– Знаете, а у вас, Аркадий Михайлович, славная сестра, – сказал Вандовский, когда они уже сидели в купе поезда. – Только вы ее, кажется, побаиваетесь.

– Видите ли, Игорь Анатольевич...

– Просто Игорь. Мы же договорились! – прервал Вандовский.

– Хорошо, Игорь, – согласился Казик. – Так вот, вы совершенно правы, у меня очень славная, да что там славная – прекрасная! – сестра. Но она часто относится ко мне с ис-

тинно еврейским чувством материнства. Вы представляете, что такое еврейская мама?

– Чисто теоретически.

– Это вас будут готовы кормить грудью до вашей смерти от глубокой старости. Причем, если вы будете отказываться, на вас станут обижаться.

– У Софьи Михайловны нет детей? – выдвинул догадку Игорь.

– Ничего подобного! Это у меня нет детей, потому что я никогда не был женат. А у Софочки есть сын Давид, мой любимый племянник, но он живет далеко, в Америке.

– Понятно...

– Ничего вам не понятно, – вздохнул, впрочем, без всякой горечи, Казик. – Софочка была совсем немного замужем, а все остальное время мы живем вместе. Она старше всего на три года, но этого оказалось достаточно, чтобы она меня постоянно опекала. Причем меня она опекала гораздо больше, чем Давидика. Давидик с малолетства был очень толковым и самостоятельным мальчиком.

– А вы, значит, по мнению вашей сестры, не такой толковый и не такой самостоятельный? – усмехнулся Игорь.

– По мнению моей сестры, я хитрец, шельмец, авантюрист и обжора. Причем последнее – едва ли не самое страшное. Знаете, в большинстве еврейских семей еда – это культ. У Софочки это тоже культ, но с другого бока. Она делает все, чтобы я ел поменьше. А я делаю все, чтобы поесть всласть.

Из-за этого мы регулярно ссоримся. Ну... и еще из-за того, что я влезаю своим носом туда, куда влезать порой небезопасно.

– Например, в чужие преступления? Дмитрий Данилович считает, что это у вас хорошо получается.

– О, Игорь... – вновь вздохнул, на сей раз печально, Казик. – Мы с Софочкой всю жизнь жили в Киеве. Там жили наши родители, дедушки с бабушками, в общем, все... И вот в одночасье нам пришлось оттуда уехать. А все потому, что я влез в преступление одного очень большого человека... К счастью, нашелся другой человек, который помог нам благополучно перебраться в Сибирь, быстро выхлопотал нам российское гражданство, и в результате нам грех жаловаться на жизнь. Но для Софочки это было очень большим испытанием, она очень боялась, что и здесь я не удержусь и снова во что-нибудь влезу... И я влез, с тем же Дмитрием Даниловичем. И влезал в другие дела. И наверняка буду влезать дальше, потому что я авантюрист. И я буду всячески хитрить, потому что не хочу расстраивать Софочку. И вообще... Я думаю, нам надо пойти в вагон-ресторан. В конце концов, я ведь не только авантюрист и хитрец, но еще и обжора!

Уже за кофе Казик сказал:

– Обо мне, Игорь, вы кое-что узнали. Но я очень мало знаю о вас.

– Так нет проблем! – легкоотреагировал Вандовский. – Мне тридцать три года, я единственный ребенок в семье, ро-

дители у меня инженеры, слава богу, живы, здоровы и оба еще работают. Сам я не женат и никогда не был женат, детей тоже не имею, хотя к женщинам отношусь очень положительно. Я закончил юридический институт, а после этого служил в армии.

– Наверное, в кремлевском полку, – предположил Казик.

– Почему в кремлевском полку? – удивился Вандовский.

– Ну-у... я слышал, туда любят брать сибиряков, считает-ся, что они... – Аркадий Михайлович изобразил пальцами замысловатый узор, – высокие, крепкие, в общем, фактурные.

– Нет! – хохотнул Игорь. – Для кремлевского полка я слишком фактурный. Там ребята все-таки пониже и пожиже. А у меня все банально. С ходу в спецназ!

– О! Это серьезно! – оценил Казик.

– И очень полезно, – многозначительно изрек бывший спецназовец.

– А оттуда вы сразу к Сафьянову?

– Оттуда я в полицию подался. И почти пять лет, как говорится, «на земле» проработал. А уж после, когда ушел... Сафьянов меня пригласил... На вольную службу.

– Это как? – заинтересовался Казик.

– Я работаю с разными подразделениями, в основном с юридическим отделом и службой безопасности, но прежде всего с самим Дмитрием Даниловичем. Я часто выполняю его персональные поручения. Но! – Игорь неожиданно стро-

го погрозил пальцем. – Все в рамках уголовного кодекса! Я его чту. Потому как хорошо знаю.

– А почему вы ушли? – спросил Казик. – Я имею в виду из полиции? Если это, конечно, не секрет.

– Не секрет. Банальная история – с непосредственным начальником взглядами не сошелся. Он считал, что главное – преступника предоставить. А я считал, что главное – истинного преступника найти. Улавливаете разницу?

– В общем, да, – кивнул Казик.

Градовск встретил легким морозцем и пушистым, явно выпавшим совсем недавно снегом. Белый снег и белое здание вокзала в окружении белых деревьев создавали впечатление удивительной свежести и чистоты, которые не могли не радовать глаз приезжих. И вызывать приятное недоумение: надо же, сугубо промышленный город, повсюду, по идее, должны торчать трубы, трубы, трубы... и подниматься дым, и оседать копоть, и расползаться запах железа, мазута и гари (как без всего этого среди заводов?), а в действительности дымок – легкий, снежный покров – почти горный, аромат – как у замерзшей родниковой воды. Красота!..

Тех, у кого это был конечный пункт назначения, набралось совсем немного, человек десять, и они спешно вылезали из вагонов, словно опасаясь не успеть покинуть скорый поезд, сделавший передышку лишь на пять минут. Аркадий Михайлович тоже засуетился, судорожно соображая, то ли

сначала спустить чемодан, а потом уже себя, то ли лучше наоборот, в итоге застрял в дверях тамбура, но Вандовский, который шел следом, инициативу взял на себя. Подхватил оба чемодана, а заодно и самого Казика, и все разом переместил на перрон.

На перроне было малоллюдно, и потому они сразу заметили этого парня. Хотя он как раз был из тех, кто легко сливается с пейзажем и теряется даже в компании из трех человек, – невысокий, щупловатый, в серой куртчонке и вязаной шапочке, с лицом то ли юноши, то ли зрелого мужчины, в границах от 20 до 40 лет. Парень топтался около фонарного столба с видом человека, который просто «дышит воздухом» и рассматривает пассажиров исключительно от нечего делать. Однако натолкнувшись взглядом на Казика с Вандовским, мгновенно оживился и быстрым шагом двинулся навстречу.

– Игорь Анатольевич и Аркадий Михайлович? – Парень задрал голову, откровенно разглядывая Игоря, после чего весьма выразительно хмыкнул и переместил взор на Казика. – Я Эдик Скворцов.

Вандовский тоже хмыкнул, а Казик неопределенно пожал плечами. И этого человека Сафьянов рекомендовал как исключительно полезного? Чисто внешне парень такого впечатления не производил. Впрочем, Аркадий Михайлович по опыту знал, насколько обманчива внешность, вот взять хотя бы его самого, и Вандовский, по идее, тоже должен это знать,

опять же на собственном примере.

– Моя машина там, – Эдик неопределенно кивнул куда-то в сторону железной ограды, – я вам ее потом оставлю, страховка на вас оформлена. На обоих.

– Я не вожу машину зимой, – счел необходимым уточнить Казик.

– Но вы-то, Игорь Анатольевич, водите, – не столько спросил, сколько констатировал Скворцов.

– Естественно, – подтвердил Игорь.

– Так вот машину я вам оставлю, а сейчас повезу в гостиницу. Эта гостиница очень хорошая. Лучшая! И номера у вас люксовые. Самые настоящие люксовые! Вы не думайте, что у нас глухая провинция. У нас тоже приличия знают! – заявил Эдик с откровенной гордостью и, подпернув болтающуюся на плече сумку, ухватился за ручки чемоданов, явно намереваясь это самое приличие проявить немедленно.

– Да ладно, я сам, – сказал Игорь и осторожно, будто боясь поломать хрупкую игрушку, оттеснил парня от багажа.

– Думаете, я задохлик? – ухмыльнулся Скворцов, как-то странно крутанулся на месте, и здоровенный Вандовский повалился на бок.

– Ты что, спятил?! – От изумления Игорь мгновенно перешел на «ты».

– Нет, не спятил, – очень серьезно ответил Скворцов. – Просто я хочу, чтобы у нас с тобой, – он тоже отринул официальное «вы», – с самого начала было все ясно. Я не задох-

лик и не глупый птенчик. Я тоже кое-что знаю и умею, поэтому меня к вам обоим и приставили.

– Понятненько... – Игорь поднялся на ноги и начал отряхивать от снега дубленку.

Эдик вытащил из кармана самовязаную варежку и принялся ею смахивать снег со спины Вандовского.

Уже в машине он выудил из сумки объемистый пакет.

– Здесь материалы на Бузмакина и на тех, кто работает в Аппарате мэра. Вот это, – он вытащил конверт, – фотографии всех, кто вас может заинтересовать. Это – на свет появился еще один объемистый пакет – результаты работы полиции и следователей, все, что они нарыли. А это, – Эдик вынул из сумки еще одну сумку, – ноутбук с приладами. Ну и документы на машину, а также список разных телефонов.

– А откуда у тебя... – Вандовский запнулся. – Ничего, что на «ты»?

– Да без проблем! – отозвался Скворцов.

– Откуда у тебя данные полиции и следователей? Официально получил или?..

– А можно, я не на все твои вопросы отвечать буду? – Скворцов обернулся к сидящему на заднем сидении Игорю, потом посмотрел на расположившегося рядом Казика. – И на ваши... тоже?

– Вообще-то мне хочется сказать: «Нельзя», – признался Вандовский. – Но ты ведь мое «нельзя» мимо ушей пропустишь?

– Пропущу, – не стал отпираться Эдик.

– И, вероятнее всего, – подал голос Аркадий Михайлович, – не расскажете нам, кто вы есть, где и кем работаете?

– Почему же? Расскажу! – бодро, даже чересчур бодро, заверил Скворцов. – Обязательно расскажу! Только как-нибудь потом... Позже! Так что вы... – в его голосе прорезались извинительные нотки, – не обижайтесь. Ладно?

Гостиница располагалась в небольшом четырехэтажном здании, явно выстроенном задолго до современных современных увлечений и столь же явно обновленном относительно недавно, причем с пониманием хорошего классического стиля.

– В девятнадцатом веке это был дом промышленника Кондратьева. Богатейший был мужик, миллионщик. Архитектора откуда-то из-за границы себе выписал, – продемонстрировал знание местной истории Эдик. – А потом здесь дворец пионеров был, моя мама туда ходила, но я его уже не застал.

«Ага, – отметил Казик, – значит, наш таинственный друг, судя по всему, вырос в Градовске».

– А в девяностые годы здесь куча всяких арендаторов сидела. Уханькали здание вконец. Хорошо, что в начале нулевых годов его серьезные люди выкупили, реконструкцию провели и гостиницу устроили. Вот увидите, вам понравится.

Гостиница, вся из себя «классическая» внешне, изнутри тоже демонстрировала пристрастие к тому, что во все вре-

мена считалось хорошим вкусом. Никаких вычурностей, никакого смешения стилей, никакого разноцветия и – упаси бог! – никакого «золота», служащего для многих едва оперившихся нуворишей признаком богатства. И в то же время просторные двухкомнатные номера, красивая деревянная мебель, дорогая сантехника, хорошие ковры, шелковое белье на кроватях...

Эдик завел всех сначала в один номер, отстранив услужливую горничную, и лично устроил маленькую экскурсию по территории обитания, уточнив, что соседний номер абсолютно такой же, даже полотенца в ванной одинаковые.

– Ну, я вас пока оставляю, – сказал он по завершении осмотра. – Устраивайтесь, отдыхайте с дороги, бумажки мои изучайте, а завтра с утра я за вами заеду, отвезу в мэрию. В десять вас мэр ждет. Пока!

И исчез.

– Надо же! – подивился Вандовский, озираясь. – Провинция провинцией, а гостиница прямо-таки столичная!

– Здесь живут около четырехсот тысяч человек, – напомнил Аркадий Михайлович. – И городом Градовск был в те времена, когда иные наши областные столицы еще селами числились.

– Ну, вы даете, Аркадий Михайлович! Только приехали, а уже патриотом заделались!

– Видите ли, дорогой Игорь... – Казик прошелся по комнате, выглянул в окно – со всех сторон здание окружали сос-

ны и покрытые снегом березы. Красота! – Я вам скажу как психолог: если у вас есть объект, которым вы должны основательно заняться, то самое полезное – заинтересоваться этим объектом совершенно искренне. Уверяю вас: это действительно будет полезно и, не исключено, еще и приятно.

– Наши с вами объекты, вернее, субъекты – это мэр, его убиенный советник и вполне здравствующие сотрудники Аппарата, – напомнил в свою очередь Вандовский. – А достопочтимый город Градовск – это, что называется, место коллективного сбора.

– Как знать, как знать... – неопределенно пробормотал Казик и неожиданно спросил: – Вы, Игорь, где предпочитаете обосноваться – здесь или по соседству?

– Без разницы, – пожал плечами Вандовский и усмехнулся: – Все-таки, пожалуй, по соседству. Вы ведь наверняка уже и к номеру прониклись патриотическими чувствами?

Он подхватил свой чемодан и двинулся к выходу, услышав в спину:

– Предлагаю через час спуститься в ресторан поужинать. Насколько я понял, здесь отличная кухня!

Игорь обернулся:

– Через час буду готов, как юный пионер. И обязательно закажу вам квас. В местном трактире обязательно должен быть квас!

– Зачем? – удивился Казик. – Я люблю кофе.

– А как же патриотизм? Квасной патриотизм – это святое!

– Все бы вам издеваться, – добродушно откликнулся Аркадий Михайлович, подумав, что, пожалуй, немногие сверстники Вандовского знают, откуда пошло сие, опять-таки классическое, выражение.

Спуститься через час в ресторан, однако, не получилось, потому как на телефон Казика позвонили и мужской голос представился:

– Полковник Мазин, Виталий Георгиевич. Я руководитель городского следственного комитета.

– Очень приятно, – отозвался Казик, вспомнив обещание Сафьянова о встрече с цветами.

– Нам надо увидеться, – сказал Мазин. – И с вами, и с вашим напарником.

«Ага, – подумал Казик, – значит, он решил, что главный здесь я, а Игорь просто напарник. Интересно: почему он так решил? По возрасту, что ли?»

Вслух же произнес:

– Всегда к вашим услугам.

– Могу сейчас подъехать в гостиницу.

– Извольте. Мой номер...

– Знаю я, в каких вы номерах остановились, – перебил полковник, и Казик подумал уже о другом: до чего же быстро доходят до нужных ушей нужные сведения. Скворцов сообщил? Или в гостинице у главного следователя есть свой информатор? А почему бы и нет? Еще с советских времен самые опытные информаторы сидели в самых шикарных го-

стиницах...

Мазин приехал через полчаса и, разумеется, без цветов. Мрачновато оглядел Казика, потом Вандовского, скинул пальто прямо на комод около двери, прошел в комнату и, проигнорировав удобный диван, плюхнулся на стул, бросив на журнальный столик принесенную с собой папку.

– В общем, так, – заговорил он с ходу. – Самодеятельность я не люблю...

– Да-да, – поспешно кивнул Казик.

– ...но мэр просил вам оказывать содействие, значит, буду оказывать.

– Большое спасибо! – разве что не поклонился Аркадий Михайлович. Игорь при этом нехорошо поводил скулами.

– Вот здесь, – Мазин постучал указательным пальцем по папке, – основные результаты проведенного расследования. Явной версии нет. И вообще, всякой всячины много, а ясности нет ни в чем. Кроме одного – времени смерти Бузмакина. Точно известно и проверено через телефонную компанию: в шестнадцать часов тридцать три минуты Бузмакину звонил на мобильный телефон депутат горсовета Петунин и разговаривал с ним две минуты. Петунин это подтвердил. Следующий звонок поступил на телефон Бузмакина в шестнадцать часов пятьдесят минут, но остался без ответа. С того времени были еще звонки, но тоже никакой реакции.

– И много было звонков? – уточнил Казик.

– Достаточно.

– И никто эти звонки не слышал? Ну-у... кто-нибудь случайно... кто проходил по коридору или стучался в дверь Буз-макина?

– Во-первых, дверь крепкая, не фанера какая-нибудь. Там все нормально со звукоизоляцией. Леонид Борисович не тем был человеком, чтобы беседы всякие вести для чужих ушей. А во-вторых, телефон у него на вибрацию был поставлен. Он у него часто так работал. Так что сомнений у нас почти никаких нет: убили его в те самые семнадцать минут. Или у вас есть сомнения? – весьма ядовито поинтересовался полковник.

– Что вы! Никаких оснований ни для каких сомнений!

– Ладно. – Мазин поднялся со стула. – Будут возникать вопросы, звоните, приходите, обращайтесь. Но... – Он вдруг насупился, произнес почти угрожающе: – Чтоб безобразия всякие здесь не устраивали!

– Вы это о каких безобразиях? – не менее угрожающе спросил Игорь, но Казик немедленно закивал снова:

– Да-да... – И даже ткнул Вандовского в спину. Впрочем, тот, кажется, этого даже не заметил. – Никаких безобразий мы устраивать не станем, хотя и не совсем понимаем, что вы имеете в виду. Пьянки? Драки? Женщины легкого поведения?

Мазин иронию уловил, поморщился, произнес хоть и через силу, но примирительно:

– Это так... В том смысле, что вы люди здесь новые... А

у нас свои порядки... Свои расклады... В общем, – подытожил он, – если вдруг чего, лучше посоветуйтесь, чтоб дров не наломать.

– Непременно! – заверил Казик.

– И вот мои телефоны. Прямой, через секретаря, мобильник.

Полковник протянул визитку, причем опять же Казику, умудрившись одновременно пожать Аркадию Михайловичу руку. Потом развернулся к Вандовскому, посмотрел исподлобья и тоже протянул ладонь. Игорь сграбастал эту ладонь лапищами, явно намереваясь сдавить ее в лепешку, но, поймав быстрый взгляд Казика, разжал руки и растянул губы в улыбке.

Полковник посмотрел на лапищи, на улыбку и вдруг выдал:

– В здоровом теле здоровый дух. А вот про ум в старом лозунге ничего не писали.

Хмыкнул и ушел.

– Получили, голубчик? – хихикнул Казик, когда за Мазиным закрылась дверь.

– Да уж, острослов великий, куда там!

– Острослов не острослов, но не надо воспринимать его как солдафона. Или в вас говорит бывший полицейский?

– Давайте-ка наконец в ресторан спустимся, – вместо ответа предложил Игорь. – Я, между прочим, тоже поесть люблю. Особенно когда голодный.

Ресторан был таким же «классическим», как и вся гостиница, и что самое приятное – здесь напрочь отсутствовал грохот попсовых песен, от которых через десять минут начинают отваливаться уши вместе с головой. Музыка, причем исключительно инструментальная, звучала тихим фоном, давая собеседникам возможность не надирать голосовые связки в попытке произнести хоть пару слов.

И еда тоже была «классической» – без всяких там суши из перемороженной сырой рыбы и бифштексов из старой коровы, но с кровью. Вполне вкусная еда качественного приготовления. Казик с Вандовским заказали несколько видов закуски, горячее и десерт с кофе, причем Игорь оказался тем редким человеком, который умудрился «переесть» Аркадия Михайловича.

К десерту – бисквиту со свежей клубникой под взбитыми сливками – Казик приступил с блаженством в животе и на душе, отправил в рот красную ягоду, отметив, что даже самая дивная клубника зимой все равно смахивает на нечто красивое из папье-маше, однако не расстроился: зато бисквит был пушист, а сливки воздушны. «В следующий раз возьму банановый торт, бананы и зимой имеют вкус бананов, опять же торт тоже со сливками», – решил Аркадий Михайлович и в этот момент увидел, как в ресторан вошла женщина.

Она была высокой, стройной, с красиво подстриженными волосами, напоминающими мех черно-бурой лисицы, в

дымчатых очках и темно-синем костюме в тонкую серую полосу. Очень эффектная женщина, хотя и не очень молодая. Женщина по-хозяйски оглядела зал и двинулась напрямик к столику Казика и Вандовского.

– Ого, какая дама! – тихо проговорил Игорь.

Аркадий Михайлович лишь судорожно сглотнул кусочек торта.

– Здравствуйте, господа, – произнесла женщина низким голосом. – Насколько я понимаю, вы Аркадий Михайлович и Игорь Анатольевич?

Первым отреагировал Вандовский. Вскочил с места и отвесил легкий полупоклон.

– Совершенно верно.

– Да-да, вы правы, – пробормотал Аркадий Михайлович, тоже оторвавшись от стула.

– А я – Карелия Андреевна Белецкая, директор этой гостиницы. – Она махнула пальцами, разрешая мужчин вернуться на свои места, и первой опустилась на стул, мгновенно пододвинутый расторопным официантом. Вандовский с Казиком послушно сели. – Извините, если я нарушила вашу трапезу, но я имею обыкновение знакомиться с постояльцами наших номеров люкс.

– Надо же! – отреагировал Игорь.

– Очень приятно, – оценил Аркадий Михайлович.

– Полагаю, вы хорошо устроились? – спросила Белецкая.

– Вполне, – дружно кивнули мужчины.

– В нашей гостинице широкий набор услуг. В своих номерах вы наверняка нашли соответствующий буклет. Обслуживание у нас тоже весьма достойное, надеюсь, вы не пожалеете, что остановились именно в нашей гостинице.

– Все отлично! А в ресторане исключительно вкусно готовят, – заверил Казик.

– Я рада. – Директор улыбнулась и выложила на стол непонятно откуда взявшиеся в ее руках визитные карточки. – Здесь мои телефоны. Обычно я в гостинице с девяти утра до семи вечера. Но в любое другое время к вашим услугам дежурный администратор.

– Премного благодарны, – ответил за двоих Казик.

– Всего доброго.

Белецкая встала, еще раз улыбнулась и проществовала из зала. Немногочисленные посетители ресторана проводили ее заинтересованными взглядами.

– Какая мадам! – прицокнул языком Игорь. – Судя по всему, из всех присутствующих только мы обосновались в люксах. Или с другими она уже познакомилась?

– Или она, как и полковник, тоже получила указание окружить нас полнейшим вниманием, – выдал заключение Казик.

Пожалуй, Дмитрий Данилович Сафьянов несколько не преувеличивал: в Градовске сибирских гостей намеревались принять, как родных. По крайней мере, чисто внешне.

Глава 5

Официально должность Марины Евгеньевны Назаровой называлась «помощник мэра». Неофициально же, в соответствии с реальными функциями, – «помощник мэра по протоколу». В прежние времена Марина считала, что протокол – это нечто из жизни аристократов и дипломатов, но оказалось, из чиновной жизни тоже. Только основывается он не на четко устоявшихся нормах, а на множестве разнообразий, из которых складываются уже свои, и подчас куда более жесткие, правила. Причем учитывающие особенности человека, для кого протокол и прописывается.

К примеру, Марина знала: если мэр приезжает поздравлять с каким-то праздником коллектив больницы, то в памятном адресе ни в коем случае не должно фигурировать слово «медики». «Врачи – медики, а педагоги – педики, так что ли?» – съехидничал Романцев, когда еще в самом начале совместной работы Марина принесла ему адрес именно с таким словом. А если мэр выступает в каком-нибудь актовом зале, то ему не надо ставить трибуну или сажать за стол на сцене – выступать он будет только стоя, у первого ряда, с микрофоном в руке. Или, встречаясь с немногочисленной группой людей, мэр откажется от большого зала, где все эти люди просто «потеряются», и непременно выберет так называемую «переговорную», даже если там и будет несколь-

ко тесновато. Подобных мелочей было великое множество, и помощник по протоколу обязана была их учитывать.

Любое публичное мероприятие с участием мэра, особенно выездное, проводившееся за стенами мэрии, всегда имело свой сценарий, в котором, помимо времени, места и круга участников, прописывалось, кто встретит главу города, куда проводит, в какое время ему предоставят слово, кто за кем будет выступать, что предстоит делать и т. д. и т. п. А еще готовился комплект необходимых информационно-справочных материалов, за содержание которых, впрочем, отвечали другие помощники.

На сегодняшний день намечались одно «внутреннее» и два «выездных» мероприятия, которые должны были быть в окончательном варианте представлены мэру не позднее, чем накануне.

С «внутренним» было проще – совещание с руководителями строительных компаний в большом зале мэрии. Его организовывал ответственный за отрасль заместитель мэра Седов, мужик исключительно грамотный и четкий, с которым у Аппарата и непосредственно помощника по протоколу никогда не возникало проблем. Марине достаточно было бегло посмотреть сценарий совещания, список приглашенных, вложить все это вместе с необходимыми справками в приготовленную для мэра папку, уточнить, все ли в порядке с залом, убедиться, что, разумеется, все в порядке, и считать свое дело сделанным.

Сложнее, как всегда, обстояло с «выездными» мероприятиями – посещением электромеханического завода, где мэр должен был участвовать в запуске нового оборудования и коротком совещании с местными спецами, и визитом в политехнический колледж, который праздновал свое 70-летие.

Предварительную программу всегда готовили профильные структуры мэрии вместе с «принимающей стороной», демонстрируя порой либо удивительную скудость, либо редкостное буйство фантазии. На сей раз было и то, и другое.

Заводчане вместе с руководителем департамента промышленности Лузиным предложили очень простую схему: мэр приезжает на предприятие, запускает новое оборудование и, не дожидаясь, когда оно начнет в полную силу работать (а на это нужно минут двадцать), переходит в кабинет директора, где разговаривает с руководителем завода, после чего уезжает. И все.

Первым воспротивился руководитель пресс-службы мэрии Гончаров.

– Ну ты же понимаешь, я собираю журналистов! – воззвал он к Марине. – Ты представляешь, что значит собрать наших журналистов на завод?! Они ведь все юлят! Приезд мэра, пусть даже на пуск нового оборудования, – это реклама заводу. А за рекламу все хотят получить денежку. Тем более все знают: завод очень даже может заплатить. А я все-таки сговорил, надавил, и в результате журналисты будут. А что я им покажу? Как мэр тычет пальцем в кнопку, тут же скры-

вается в директорском кабинете, потом прыгает в машину, и домой? Бред!

– Бред, – согласилась Марина, прекрасно понимающая, что любое публичное мероприятие может быть по-настоящему таковым лишь при условии, если к нему проявят внимание СМИ. Ушлый Гончаров, где лаской, где таской, как правило, исправно обеспечивал подобное внимание, а потому именно с ним Марина советовалась в первую очередь, отшлифовывая очередной сценарий. – Здесь все надо менять от начала и до конца. За исключением нажатия кнопки.

И она поменяла. В результате Романцев должен был приехать на завод, пройти в окружении журналистов и специалистов по двум цехам, по ходу общаясь с людьми, затем запустить оборудование и остаться ждать, когда оно заработает. В это время Гончаров устраивает короткий брифинг, на котором мэр комментирует журналистам важность технического переоснащения промышленности, данного завода конкретно и напоминает о тех мерах, которые предпринимает мэрия для поддержки столь важного процесса. После этого все наблюдают, как действует новое оборудование, и переходят не в директорский кабинет, а в конференц-зал, куда собираются все основные специалисты предприятия. Именно с ними, а не только с главным руководителем, мэр обсуждает перспективы предприятия, давая по ходу конкретные поручения уже своим сотрудникам.

С юбилеем политехнического колледжа все изначально

выходило совершенно по-другому. Судя по предварительному сценарию, в этом колледже учили не технических работников, а массовиков-затейников. Чего тут только не напридумывали! И ладно бы, только для самих себя, но и для мэра тоже.

По поводу всех этих фантазий разговаривать предстояло с руководительницей департамента образования Риммой Сергеевной Буниной, которую Марина терпеть не могла. Она долго удивлялась, зачем Романцев держит эту амбициозную дуру с неумемной энергией на столь высоком посту, но потом Ада Гудовская, отвечающая в Аппарате за оргработу и негласно считающаяся главным помощником, растолковала: Бунина – исключительно удобный для мэра человек. Чтобы ему угодить, она готова не только собственным носом землю рыть, но и при надобности кого угодно в землю зарыть. Причем делать она это будет с искренней радостью и совершеннейшей неистовостью. Только глазом моргните, бровью поведите, словечком обмолвитесь. А уже если клич кинете!.. Подобных людей можно не любить и даже откровенно презирать, но почти любой начальник старается иметь около себя хоть одного такого фаната верноподданничества.

Общение с Буниной всегда было для Марины мукой мученической, но, опять же благодаря мудрой Аде, она научилась с разными мэриевскими руководителями разговаривать на нужном языке (от лаконично-сухого до нежно-приятельского), и для Риммы Сергеевны у нее тоже был припасен свой

«формат».

Марина придвинула к себе поближе телефон, набрала номер внутренней связи, включила селектор и, услышав голос Буниной, произнесла тоном, не терпящим возражений:

– Римма Сергеевна, здравствуйте. Сценарий юбилея колледжа должен быть переделан в той части, которая касается мэра.

– Переделать такой замечательный сценарий?! Зачем?! – напроочь проигнорировав тон, немедленно возразила Бунина.

– Затем, что здесь есть моменты, которых никак не должно быть.

– Что вы имеете в виду?! Только, пожалуйста, Марина Евгеньевна, конкретно! – с вызовом заявила начальница над образованием.

– Разумеется, конкретно. Мэр вручает несколько Почетных грамот учащимся и педагогам...

– Это пожелание Вячеслава Васильевича! – едва ли не с придыханием перебила Бунина. – Он неоднократно бывал в колледже и положительно оценивает это учебное заведение! Я лично проверила всех, кого будут награждать! Все достойны! А потому...

– Я не о самих грамотах, – перебила в свою очередь Марина. – Я о том, что, по вашему сценарию, мэр предваряет каждое вручение чтением короткого стихотворения, посвященного награжденному.

– И это замечательно!

Марина явственно представила, как у Риммы Сергеевны восторженно блеснули глаза, и отрезала:

– Ничего замечательного!

– Неправда! – мгновенно перешла от восторга к негодованию Бунина. Этот мгновенный переход туда-сюда и обратно ей всегда удавался на славу, ввергая подчиненных в ступор и давая самой начальнице мощный прилив и без того безумной энергии. – Вячеслав Васильевич постоянно требует от нас неформального подхода к делу! И совершенно правильно требует. И лично я с ним согласна! Стихи как раз придают неформальность нашей традиционной процедуре вручения грамот!

Ссылка на мэра, по мнению руководительницы департамента образования, должна была, судя по всему, оказать должное педагогическое воздействие на эту помощницу-«двоечницу», которая плохо усваивает уроки учителя. Однако «двоечница» в очередной раз продемонстрировала полное незнание «предмета».

– Неформальный подход в стихотворной форме? – Марина весьма выразительно хмыкнула. – Цитирую: «Донцов бежит, земля дрожит. Он потому и знаменит».

– Сережа Донцов в прошлом году стал чемпионом города по спринтерскому бегу! – гордо уточнила Бунина.

– Цитирую дальше: «Дементьев – мастер, каких мало. Ему почет и вечная слава!»

– Иван Семенович Дементьев двадцать лет преподает технологию металла. Он действительно мастер!

– При чем здесь это?! – Марина с отвращением посмотрела на телефон, словно он был виноват в том, что, исправно работая, громко и четко доносил до нее голос Буниной. – Это бездарные стишки. А вы хотите, чтобы мэр их читал!

– Их написали сами учащиеся! – провозгласила Бунина так, словно авторы вирш были ей родными детьми.

– Да хоть вместе со всем педагогическим коллективом! – отрезала Марина. – «Донцов бежит, земля дрожит»! Вы считаете, это можно произносить вслух?! Тем более мэру?! А что это за «вечная слава»? Мастер Дементьев погиб смертью храбрых?

– А вы, Марина Евгеньевна, у нас специалист в поэзии? – ядовито осведомилась Бунина.

– На этом уровне даже вы, по образованию учитель биологии, могли бы оценить такую поэзию, – парировала Марина. – Я же на своем уровне говорю вам, что мэр просто вручит грамоты и в конце поздравит всех награжденных. Соответствующие слова, правда исключительно прозаические, он найдет.

– Вам не нравится творческий подход! – трагически заявила руководительница департамента образования.

«Двоечница» – она и есть «двоечница», хоть как ее учи! Да к тому же упрямая.

– Это еще не все, – «успокоила» упрямица. – Мне также

не нравится следующее. В сценарии написано: «В конце торжественного собрания мэр поет вместе с учащимися гимн колледжа, после чего происходит сброс шаров». Во-первых, что это такое – «сброс шаров»?

– Это значит, что сверху на сцену будут сбрасывать воздушные шары.

– Прямоком на голову мэру, который в этот момент как раз и находится на сцене, так?

– Почему обязательно на голову Вячеславу Васильевичу?! Это вовсе не обязательно! – возмутилась Бунина.

– А вы что, намерены отдать шарам распоряжение, куда падать, а куда нет?

– Вы слишком все заостряете!

– Я не заостряю. Но ваш сброс шаров вы будете производить не над сценой, а над зрительным залом. Детишек это повеселит. А вот что касается пения гимна...

– Мы передали вам текст! Между прочим, его написал профессиональный поэт, и весьма неплохо написал! – провозгласила Бунина и тут же добавила с издевкой: – Или вы готовы воспринимать только стихи Пушкина?

– А вы готовы воспринимать пение мэра? – в тон ей поинтересовалась Марина. В телефоне повисла пауза. – Вы когда-нибудь слышали, чтобы мэр пел? – Пауза продолжала висеть. – У мэра нет ни слуха, ни голоса, – констатировала Марина.

– Как вы можете так... о Вячеславе Васильевиче?.. – по-

чти с ужасом произнесла Бунина.

– Могу! И не только могу, но и должна! Это моя обязанность – ограждать мэра от неловких ситуаций. А вот почему вы его на это толкаете, не понимаю. Так что никакого пения не будет. До свидания.

И положила трубку, с удовольствием представив перепуганную физиономию Буниной, которая, оказывается, пыталась поставить в дурацкое положение главу города.

Окончательно сегодняшний день был «сформирован» вчера только к вечеру, и это вызвало неудовольствие руководителя Аппарата Аристарха Ивановича Тишаева.

– Марина Евгеньевна, – сказал он, вызвав Назарову к себе в кабинет. – Я не понимаю, почему так затягивается подготовка материалов. А если Вячеслав Васильевич решит внести изменения, когда все будете менять? Ведь в выездных мероприятиях задействовано достаточно много народа. Или вы мне скажете, что поздно получили необходимые материалы? Тогда я, значит, обязан спросить с Гудовской и Коньковой? Насколько я понимаю, Гудовская должна была заранее утвердить у мэра его рабочий график, а Конькова собрать и представить вам все необходимые материалы. А они, получается, затянули?

Аристарх Иванович, который за свой тихий и оттого подчас зловещий голос получил прозвище Тишайший, задавал вопросы, но ответов не ждал, потому как в них и не нуждался. Он *выговаривал*, и помощнику по протоколу именно

так и следовало это понимать. Марина это так и понимала, молча переваривая претензии, которые внешне были вполне справедливы, а по сути – нет. Возражать не имело смысла. В последнее время Тишайший слышал только собственный тихий голос да голос мэра. Впрочем, за два года работы руководителем Аппарата Аристарх Иванович научился, кажется, слышать даже мысли Романцева.

Из кабинета Тишаева Марина напрямую отправилась к Гудовской, причем не по делу, а просто так.

Ада сидела, что-то шлепая на компьютере, и пила кофе, который был неизменным сопровождением ее жизни, особенно когда возникало много работы. Кофейничала и работала Ада одновременно, и это давно все воспринимали как должное.

– Кофе будешь? – Гудовская оторвалась от компьютера, развернулась на крутящемся кресле и закинула ногу на ногу, что означало возможность и готовность сделать передышку.

– Спасибо, не хочу, – отозвалась Марина и опустилась на стул. – Мне сейчас Тишайший выговаривал за то, что я все материалы на завтра только недавно принесла, – пожаловалась она. – Можно подумать, это я виновата, что Лузин с Буниной поздно все представили. Причем в таком виде...

– Представляю этот вид. Особенно с профилем Буниной! – фыркнула Ада. – На месте Аристарха я бы давно всех их построила. И ничего бы в график даже не ставила без готовности материалов минимум за два дня. А то моду дурац-

кую взяли: сначала доказывать, насколько их мероприятие наиважнейшее, а потом все с колес гнать, причем с колес гнутых!

– Да, ты бы построила, – согласилась Марина и в очередной раз задала себе мысленно один и тот же вопрос: почему после последних выборов мэра, когда ушел на пенсию руководитель Аппарата Суслов, начальником поставили Тишаева, а не Гудовскую, имеющую на это полное основание и по сути все годы выполняющую роль заместителя?

И в очередной раз сама себе ответила: потому что так решил Леонид Борисович Бузмакин.

– На ближайшие два дня изменений нет? – уточнила Марина.

Ада бросила беглый взгляд на монитор, где «висел» график работы мэра на нынешнюю неделю.

– Нет, пока никаких изменений. Но ты же знаешь, это все «пока».

И Гудовская, и Назарова знали: в любой момент график может «поломаться», причем не обязательно по объективной причине (а их порой тоже возникало немало), но и потому, что сам мэр, по ведомым лишь ему причинам, менял собственные планы.

И вот сегодня он их в очередной раз поменял, правда, не принципиально – отложил утреннюю работу с документами, сообщив, чтобы весь Аппарат в полном составе был готов в ближайший час прийти к нему в кабинет.

«Неужели это правда?» – подумала Марина, вспомнив, чем вчера закончился столь хлопотный день.

А закончился он звонком Карелии Андреевны Белецкой.

– Привет, детка! Еще трудишься? – спросила она.

Марина посмотрела на часы. Минутная стрелка переползла за цифру восемь.

– Домой собираюсь.

– Не стоит так уж гореть на работе, – укорила Белецкая. – Памятник тебе не поставят, а если и поставят, оно тебе нужно?

– Не нужно, – признала Марина. – Просто много дел накопилось.

Белецкая укоряла Марину таким образом не первый раз, и та тоже не первый раз отвечала, дескать, дела покоя не дают. И знала, что все эти разговорчики про памятники и горение только на первый взгляд хохмочки, а на самом деле – искреннее проявление внимания и сочувствия. Только завуалированное под шутку.

Карелия Андреевна любила Марину, а Марина любила Карелию Андреевну. Хотя, казалось бы, этого не должно было быть.

– Ты когда дома появишься? – спросила Белецкая.

– Минут через сорок.

– Я к тебе подъеду. Ты не против?

– Разумеется, нет.

Карелия Андреевна приехала через час, заявив с порога,

что ужинать не будет и вообще задерживаться не станет, потому как у нее тоже дела накопились, и Марину это удивило. Обычно встречи с Карелией Андреевной длились часами, они вместе ужинали, долго пили кофе с чаем и много, с удовольствием разговаривали.

Им всегда было о чем поговорить. Хотя, казалось бы, задушевных разговоров между ними не должно было быть.

– Я не хотела по телефону, подозреваю, что они у вас могут прослушиваться, – заявила Белецкая.

– Ерунда это... – попыталась опровергнуть Марина, но Карелия Андреевна недоверчиво pokrивилась:

– Может, и ерунда, но береженого Бог бережет. Особенно с учетом ваших последних событий.

– Вы думаете, если Бузмакина в мэрии убили, так всех нас под колпак посадили? Это ж где такой здоровенный колпак найти?

Марина постаралась, чтобы это прозвучало шутливо, но шутка явно не удалась. Карелия Андреевна укоризненно покачала головой и заговорила подчеркнуто серьезно:

– Вот что я тебе скажу, Мариша. Сегодня к нам в гостиницу заселились два довольно странных господина. Из Сибири. Один маленький такой, лохматый, с глазами, как у лемура, и носом, как у попугая. Очень забавный. А второй – совершенно другой. Высоченный, здоровенный, с плечищами, руками не обхватишь, темноволосый, хорошие такие волосы, густые, и глаза... синие-пресиние...

– Высоченный, здоровенный и глаза?.. – переспросила Марина.

– Да, очень видный мужчина, – подтвердила Белецкая. – Но дело не в этом. Эти двое заселились в номера люкс по предварительной брони. Причем заселились на неопределенный срок. Ты догадываешься, сколько у нас сутки стоят?

– Не дороже, наверное, чем в Москве...

– Не дороже. Но дорого! И повторяю: на неопределенный срок.

– И что?

– А то, что вскоре после того, как они заселились, к ним приехал Мазин.

– Наш главный начальник над следователями? – удивилась Марина.

– Совершенно верно. Сам приехал!

– Интересно...

Это действительно было очень интересно. Особенно если учесть, что вчера Мазин был у мэра. Марина сама видела, как тот направлялся в приемную.

– Я думаю, – продолжила Белецкая, – эти двое сибиряков явились не случайно. И Мазин к ним сразу же явился тоже не случайно. Это явно как-то связано с Бужмакиным.

– Каких-то особых спецов прислали, так?

– Очень похоже. Но волнует меня не это... – Карелия Андреевна несколько секунд помолчала, встревоженно посмотрела на Марину. – Насколько ты держишь меня в курсе своей

жизни, тобой и твоими ближайшими коллегами правоохранительные органы пока особо не занимались. Так вот я подозреваю, что эти двое пожаловали именно по ваши души. Поэтому я решила тебя предупредить.

Карелия Андреевна действительно всегда была в курсе Марининой жизни. И всегда старалась ее оградить от возможных неприятностей. Хотя, казалось бы, она вовсе не должна была этого делать.

И вот сегодня мэр сообщил, что вызывает к себе сотрудников Аппарата, отодвинув ради этого в сторону даже самые срочные документы...

Глава 6

Что Игоря удивило, так это кабинет мэра. Он полагал обнаружить нечто куда более респектабельное. Пусть не с позолоченными колоннами, персидскими коврами и мебелью из красного дерева (подобное он видел по телевизору), но все-таки и не напоминающее обитель далеко не главного менеджера в компании Сафьянова. А вот костюм на мэре был дорогой, и галстук по моде, и обувь соответствующая. И в целом Вячеслав Васильевич Романцев выглядел намного представительнее своего кабинета – высокий, статный, с правильными чертами лица, коротко стриженными жесткими волосами. Эдакий «белый воротничок» европейского формата.

Руководитель его Аппарата Аристарх Иванович Тишаев смотрелся куда более блекло – в скромном костюме, сутуловатый, с седыми редкими волосами и тихим, каким-то крадущимся голосом. Единственное, что выделялось на его лице, это почти черные глаза, вззирающие сквозь очки с постоянно меняющимся выражением.

– Прошу, господа, – мэр кивнул в сторону длинного стола, окруженного расположенными в некоем полуобороте стульями, и, вежливо дождавшись, когда «господа» усядутся, занял место в торце стола.

Тишаев тут же опустился на ближайший к мэру стул с противоположной к гостям стороны. Получилось точь-в-точь,

словно на официальных переговорах, где все лицом друг к другу, но на четком расстоянии, и только один как бы во главе.

– Буду краток, – сходу заявил Романцев. – Мне вас, Аркадий Михайлович и Игорь Анатольевич, порекомендовали весьма серьезные люди. Поэтому будем считать, что я могу вам доверять.

– Всего лишь «будете считать»? – уточнил Вандовский.

Мэр то ли кашлянул, то ли хмыкнул, а Тишаев быстро стрельнул глазами – сначала настороженно в сторону Романцева, а потом недовольно в сторону гостей.

– Я вас не знаю, – сказал мэр сухо.

– Мы тоже вас не знаем, – ничуть не смутился Игорь. – Однако согласились поработать на вас. Хотя мы не из полиции, не из следственного комитета и ничего расследовать не обязаны. Но к нам тоже обратились весьма серьезные люди...

– Поймите нас правильно, – поспешно встрял Казик, пнув под столом Игоря. – Просто мы хотим, чтобы между нами с самого начала была ясность. У вас есть определенная заинтересованность, у нас есть определенные обязательства, и чтобы выполнить ту работу, которую от нас ждут, нам нужна ваша полная поддержка и доверие. Если же это не получится, увы... мы вряд ли будем вам полезны.

– Вы получите полную поддержку, – заверил мэр. – Аристарх Иванович будет оказывать вам оперативную помощь. Я в свою очередь тоже всегда на связи.

– Да-да, конечно, я окажу любую помощь, – заверил Тишаев.

– Замечательно, – послал на противоположную сторону стола улыбку Казик. – Тогда о главном. Скажите, что вы действительно хотите выяснить? – Слово «действительно» Казик произнес с особым нажимом.

– А разве вас не проинформировали? – задал встречный вопрос Романцев.

– Проинформировали, – перехватил инициативу напарника Игорь. – Вас интересуют работники вашего Аппарата.

При этом он выразительно посмотрел на Тишаева.

– Я в курсе этой ситуации, – спокойно выдержал взгляд руководитель Аппарата.

– Вы рассчитываете найти среди ваших сотрудников убийцу или хотите получить подтверждение, что они ни при чем? – продолжил допытываться Вандовский.

– Я хочу знать правду! – твердо сказал Романцев и добавил: – Мы с Аристархом Ивановичем должны знать правду.

Игорю вдруг стало весело: «Мы с Аристархом Ивановичем»! Надо же, какая консолидация, причем с абсолютной уверенностью, что ближайший сподвижник уж точно святой.

Почему-то ему очень захотелось потоптаться на этом Тишаеве, хотя никакого повода тот вроде бы не дал. Ну да, поглядывал на Вандовского с Казиком с эдакой въедливостью, губы недоверчиво кривил и одновременно бросал на мэра внимательный, словно ждущий немедленных указа-

ний взгляд, и складывал губы в сосредоточенную гузку, но ведь это не повод, чтобы на человека ощериваться! За свою недолгую, но весьма бурную работу в полиции Игорь успел насмотреться на разных людей, и в том числе на чиновников, которые вовсе не были на одно лицо – разные они имели лица, и порой достаточно приличные.

– А если, Вячеслав Васильевич, окажется, что к убийству Бузмакина причастен руководитель вашего Аппарата? – спросил Игорь с внутренним злорадством и совершеннейшей внешней бесстрастностью.

– Вы обо мне? – спросил Тишаев так, словно под руководителем Аппарата Вандовский подразумевал уборщицу тети Глашу.

Игорь неопределенно пожал плечами.

– Если вы получите неопровержимые доказательства, что Леонида Борисовича Бузмакина убил я, можете сажать меня в тюрьму, – холодно проговорил Тишаев и, вперившись взглядом в Романцева, добавил: – Только никаких подобных доказательств, Вячеслав Васильевич, быть не может.

– Господа! – вновь встрял Казик. – Не поймите, пожалуйста, нас с Игорем Анатольевичем превратно!

Игорь вновь внутренне усмехнулся: «Мы с Игорем Анатольевичем»! Это уже не консолидация, это уже почти стенка на стенку.

– Просто мы хотим, – продолжил Казик, – четко и ясно понять, насколько вы готовы к абсолютно объективной ин-

формации.

– Мне нужна именно такая информация, – не просто твердо, а уже сурово сказал мэр.

– Сделаем все, что в наших силах, – с подчеркнутым почтением проговорил Аркадий Михайлович.

– Надеюсь, – кивнул Романцев и нажал кнопку селектора. – Людмила, приглашай в кабинет.

Первой вошла невысокая, сухощавая, коротко стриженная брюнетка, которую со спины запросто можно было принять за угловатого подростка, причем, скорее всего, мальчика. У нее был решительный шаг, решительный взгляд и решительный голос, каким она произнесла слово «Здравствуйте».

«Ада Юрьевна Гудовская, помощница по оргработе, главная помощница», – вспомнил Игорь женщину с одной из фотографий, принесенных Эдиком Скворцовым.

Рядом с Гудовской, словно стража, возникли двое молодых мужчин – один, похожий на былинного молодца, и второй, сильно смахивающий на поэта-романтика.

«Никита Сергеевич Гальцев и Кирилл Алексеевич Логинов – помощники-ординарцы, как охарактеризовал их все тот же Скворцов».

За мужчинами, буквально прячась за их спины, в кабинет проскользнула полноватая женщина с классическим русским лицом и русыми волосами, сложенными в пучок у самой шеи.

«Татьяна Федоровна Конькова, консультант Аппарата», – сообразил Игорь и тут же напрягся, внимательно вперившись взглядом в женщину, вошедшую вслед за Коньковой.

Она вряд ли могла претендовать на титул первой красавицы, но каштановые волосы до плеч и светлые глаза делали ее лицо весьма привлекательным. Игорь еще вчера, разглядывая фотографию, под которой стояла надпись «Марина Евгеньевна Назарова», обратил внимание на это лицо, а если точнее – на глаза, которые чем-то притягивали, но он не мог понять, чем именно. Он видел куда более красивых женщин с куда более красивыми глазами, но вот эти почему-то цепляли.

Вчера Игорь решил, что это эффект удачной фотографии, но сегодня, только взглянув на Назарову, понял, что искусство фотографа здесь ни при чем.

Марина Евгеньевна внимательно посмотрела на Игоря и вдруг резко отвернулась, села в самом дальнем конце стола и принялась сосредоточенно изучать висевшие на стене часы. И даже когда Романцев представил ее гостям, головы почти не повернула, лишь коротко кивнула.

«Чего это она?» – подумал Игорь, но размышлять на эту тему не стал, решив, что разберется потом. Если, конечно, желание возникнет или нужда заставит. Тем более что сейчас его куда больше занимал другой вопрос: какую версию мэр придумал для своего Аппарата? Не станет же он правду-матку рубить, дескать, вознамерился я, друзья мои и со-

ратники, проверить, а нет ли среди вас того самого, кто моего друга Лёню уколошил.

Романцев ни в какие особые фантазии пускаться не стал и тем самым выбрал, судя по всему, самый верный вариант. Просто пояснил друзьям и соратникам, что Аркадий Михайлович Казик и Игорь Анатольевич Вандовский подключаются к расследованию смерти Леонида Борисовича, работая в тесном контакте с правоохранительными органами и лично с ним, мэром. Чтобы не возбуждать кривотолков, именно этим товарищам, большим специалистам по выполнению деликатных поручений, поручено выяснить целый ряд обстоятельств непосредственно в стенах мэрии, и сотрудники Аппарата должны оказать здесь всяческое содействие. Первым этапом этого содействия станут беседы с каждым из сотрудников, к чему следует отнестись с максимальным вниманием и полным пониманием.

Игорь полагал, что подобное указание начальника вызовет некоторое смятение в рядах подчиненных, однако ничего подобного не произошло. Все отнеслись к этому довольно спокойно, если не считать реплики, брошенной Адой Юрьевной Гудовской:

– Мы в первый же день общались со следователем и рассказали, что знали.

– Это был предварительный разговор, – счел нужным пояснить Романцев. – Сейчас могут возникнуть дополнительные детали, так что постарайтесь поточнее отвечать на во-

просы, которые вам зададут. И вообще, – строго добавил мэр, – любые обращения к вам наших гостей считайте моим прямым указанием.

Последующие несколько часов Вандовский и Казик провели в обстоятельных беседах, которые прерывались лишь на тридцать минут, посвященных скорому, но весьма вкусному обеду. В гостиницу они вернулись переполненными разговорами, чья суть, однако, уместалась всего в четыре слова – ничего заслуживающего особого внимания.

В то время, когда убили Бузмакина, все сотрудники Аппарата были на своих местах. Разумеется, не сидели прищипанными к стульям – кто-то куда-то выходил, к кому-то заходил, с кем-то общался, но точных деталей никто особо не помнил, а потому и алиби не имел. Алиби было только у секретаря руководителя Аппарата, находившейся на больничном, и у дежурившей в тот день секретаря мэра Людмилы (вторая секретарь отдыхала и в мэрии не появлялась). Людмила из отсека мэра, где кабинет, комната отдыха, приемная, техническое помещение с туалетом для секретарей и холл для посетителей, ни разу не отлучалась – это подтвердил охранник, который постоянно сидит у входа в отсек.

– Предлагаю пойти в мой номер и подбить баланс, – сказал Игорь.

– О! – хихикнул Казик. – Подозреваю, что глубоко в подсознании вы ощущаете себя бухгалтером.

– Или хулиганом, – усмехнулся в ответ Игорь. – Это я по

поводу «подбить».

– Разумно, – согласился Аркадий Михайлович. – Но еще разумнее встретиться в моем номере. У меня есть кофе, чай и печенье. Так что совместим приятное с полезным.

– Полезное с вредным, – поправил Игорь. – Но я не ваша сестра, – успокоил он, – и не стану считать съеденные вами калории в виде полноценного обеда и пяти пирожков с брусникой.

– Пяти?! – поразился Казик. – Не может быть!

– Ну, пусть трех, – отступил Вандовский. – Но только пирожки были большие.

Они еще немного поговорили о еде, как иные люди для разрядки болтают о погоде, но только до того момента, как вошли в номер Казика и вынули из сейфа, вмонтированного в глубине шкафа (вот что значит приличная гостиница, сейфы в каждом номере!), папки с досье, принесенные полковником Мазиным и Эдиком Скворцовым.

– Предлагаю, – сказал Казик, разложив на столе бумаги и фотографии, – рассмотреть каждого из сотрудников по отдельности. Есть возражения?

– Нет, – ответил Игорь.

– Начнем, пожалуй, с этой любопытнейшей дамы Ады Юрьевны Гудовской. Что у нас на нее есть?

Игорь раскрыл папку с выведенными шариковой ручкой инициалами А.Ю.Г. и извлек «объективку», подготовленную Скворцовым. Затем сунул «объективку» назад в папку

– и он, и Казик еще вчера вдоволь начитались всяких справочных материалов, которые сегодня дополнились «живым» общением.

– Сорок пять лет, разведена, имеет взрослую дочь, которая со своей семье живет в Челябинске, – восстановил по памяти биографические сведения Вандовский. – Умная, опытная, энергичная, порой резкая, но не высокомерная и не вредная. С Романцевым Гудовская почти с первых дней его мэрства, то есть двенадцать лет. Занимается составлением рабочего графика мэра, всеми его оргделами, по сути, считается главным помощником.

– И, насколько я понял, особо доверенным, – уточнил Казик.

– Да, это ни для кого не секрет. Поэтому она на несколько особом положении. В мэрии с ней очень считаются и стараются не ссориться. Может так влить – словесно, конечно, – что мама не горюй. К Романцеву в команду она попала в общем-то случайно – и опять же из-за своего характера. Гудовская работала обычным инженером на машиностроительном заводе, куда Романцев явился для встречи с коллективом во время своей первой выборной кампании. И вот во время этой встречи, когда люди вопросы задавать стали, Гудовская слово взяла и выдала претенденту на мэрское кресло целую программу, которую он должен выполнить, если это кресло займет. Причем, по слухам, все очень грамотно по полочкам разложила.

– И Романцев пригласил ее к себе?

– Точно. Но она отказалась! – с каким-то странным удовольствием констатировал Игорь. – У Скворцова написано, что он приглашал ее трижды, и только после этого инженерша согласилась пойти в помощники к новому мэру. И помогает вот уже двенадцать лет. Как утверждает сама Ада Юрьевна, она неприязненно относилась к чиновникам, но ей понравился Романцев, вот она и решила попробовать.

– А что там написано про ее отношения с Бузмакиным?

– А вот с этими отношениями довольно любопытно... Скворцов сообщил, что поначалу эти были очень даже лущезарными. Потом как-то стали линять... Не то чтобы сильно испортились, но напряженность периодически возникала. Между прочим, вы, Аркадий Михайлович, наверняка заметили: никакой особой печали по поводу смерти Бузмакина Ада Юрьевна во время нашей беседы даже не попыталась изобразить.

– Да-да, – подтвердил Казик. – Никакой даже видимости печали. Ну, хотя бы из приличия. Впрочем... не исключено, что она вела себя так совершенно намеренно. Дескать, она к этой смерти не имеет никакого отношения и потому никаких спектаклей разыгрывать не собирается.

– Скворцов, или тот, кто его сведениями снабдил, считает, что причина напряженных отношений простая: Бузмакин в мэрии почти всех к рукам прибрал, а Гудовская к этим самым рукам прибираться не захотела. Она вроде как сама

кум... кума то есть, королю. И Леонид Борисович на ней ног-ти малость пообломал. А два года назад, после последних выборов, ушел на пенсию прежний руководитель Аппарата, и Гудовская рассчитывала, что мэр ее на это место назначит, и вроде бы Романцев это место ей обещал, но... довольно неожиданно все переиграл, посадив Тишаева. Так вот в мэрии все, кто к мэру поближе, знают, что не Романцев свою изначальную затею переиграл, а Бузмакин переиграл Гудовскую. Потому как Тишаева продвинул именно Леонид Борисович.

– Получается, у Ады Юрьевны мотив поквитаться с Бузмакиным очень даже имелся, – вынес заключение Казик.

– Вполне получается, – подтвердил Вандовский. – Причем Гудовской вполне хватило бы на это характера. В отличие от Татьяны Федоровны Коньковой.

– Это полненькая такая, – не то чтобы спросил, а, скорее, удовлетворенно констатировал Казик и посмотрел на собственный живот, который все же не шел ни в какое сравнение с пухлостями Татьяны Федоровны.

– И зашуганная, – внес уточнение Игорь. – Вы обратили внимание?

– Да-а... вот уж кто на чиновницу совсем не похож... – задумчиво проговорил Аркадий Михайлович, оторвавшись от рассматривания собственного живота. – Скорее, на какую-нибудь просительницу, которая устала по коридорам власти ходить и правду искать.

– И это при том, что она самая что ни на есть кадровая чиновница! Из своих сорока семи лет двадцать пять лет в мэрии работает. Закончила местный пединститут, между прочим, по специальности она физик, и тут же в мэрию попала. Сначала на должность главного специалиста в департамент образования...

– Сразу после института – и главный специалист? – удивленно перебил Казик.

Вандовский засмеялся.

– Аркадий Михайлович! Это только звучит так солидно! А на самом деле главспец – самая что ни на есть рядовая должность. Это что-то типа лейтенанта.

– А-а-а... – протянул Казик. – А теперь она на должности консультанта. Это сколько значит звездочек?

– Думаю, четыре.

– То есть за четверть века доросла только до капитана?

– Ну, это вам все-таки не армия. Полно чиновников, которые всю жизнь на рядовых должностях и вполне хорошо себя чувствуют. Конькова – женщина тихая, без амбиций, опять же не абы где служит, а, можно сказать, в элитных войсках. То есть в Аппарате мэра.

– Куда ее, кажется, из образования перетянула Гудовская? – вспомнил Казик.

– Да, шесть лет назад. И работает Конькова самым непосредственным образом на Гудовскую, то есть как бы помощница помощницы по оргработе. Хотя впечатление такое, что

в одну телегу впрягли коня и трепетную лань. Уж больно они разные. Даже удивительно!

– Ничего удивительного, – пожал плечами Аркадий Михайлович. – Очень часто именно такие, вроде бы совершенно противоположные по характеру, люди очень славно друг с другом ладят. Ведь эти дамы друг с другом ладят?

– Похоже, да. Вы же сами слышали, как Гудовская отзывается о Коньковой. Надежная, доброжелательная, ответственная, отлично знающая свою работу... Прямо-таки набор самых положительных характеристик. А Конькова совершенно очевидно горой стоит за Гудовскую. Поэтому вряд ли испытывала трепетные чувства к Бузмакину. Но представить ее в качестве убийцы... Или организатора убийства... Никак не могу.

– Сложно, весьма сложно, – согласился Казик. – Только поверьте мне, дорогой Игорь, именно такие преданные и при этом боязливые люди – а Татьяна Федоровна предана Гудовской и явно боялась Леонида Борисовича, – иногда совершают самые невероятные поступки.

– Ну, если уж говорить о невероятностях, то тогда само то заподозрить Никиту Сергеевича Гальцева. А почему нет? – спросил Игорь и сам же ответил: – Смотрите, какой расклад. Никита с Романцевым работает еще со времен первой выборной кампании, то есть двенадцать лет. Причем он единственный, кого Романцев и Бузмакин привезли с собой из Екатеринбурга. Даже не столько Романцев, сколько Бузма-

кин привез, Никита у него в каких-то политехнологических акциях участвовал. И если Конькову можно считать человеком Гудовской, то Гальцева – совершенно однозначно человеком Бузмакина. Только здесь-то, может, собака и зарыта. Мало ли что у Гальцева накопилось... Ведь он все эти годы у мэра, по сути, мальчиком на побегушках работает. А он уже не мальчик, как-никак тридцать семь лет недавно стукнуло. Другой бы на его месте уже давно серьезную карьеру сделал или хороший кусок в бизнесе получил, а Гальцев все портфель мэрский таскает. И явно на привязи его не столько Романцев, сколько Бузмакин держал. Именно потому, что Никита для Леонида Борисовича был абсолютно своим человеком. Таких из рук выпускать не любят. Но такие эти самые руки подчас лютой ненавистью начинают ненавидеть. Опять же смотрите, какой еще расклад выпал. Бузмакин ставит на место руководителя Аппарата Тишаева, а тому, понятное дело, тоже свой человек нужен. И он приводит Кирилла Логинова точно на такие же функции, как у Гальцева. Наверняка хороший предлог нашел: дескать, обремененному семьей Никите тяжело повсюду за мэром таскаться. Логинов же молодой в сущности пацан, ему полтора года назад, когда он у Романцева появился, причем сразу в должности помощника, двадцать пять лет стукнуло, ему побегать только на пользу. Чем не объяснение? Бузмакин на это явно согласился, без его согласия к Аппарату и комар бы не подлетел. Но только Логинова он всегда на вторых ролях держал и на одну сту-

пеньку с Гальцевым не ставил. Как на это паренек мог среагировать? Да как угодно! Уж вы теперь моему опыту, Аркадий Михайлович, поверьте: для некоторых ретивых это серьезный повод преграду начисто с лица земли снести.

— А зачем, по-вашему, сносить эту преграду понадобилось бы приятной барышне Марине Евгеньевне Назаровой? Ни из досье Эдика, ни из нашего с ней общения я это совсем не понял. А вы, Игорь? — поинтересовался Казик.

Вандовский задумался. Первый раз за время разговора задумался, потому что прицепиться, даже чисто теоретически, было совершенно не к чему.

Тридцатилетняя барышня Марина Евгеньевна работала в Аппарате четыре года, причем точно сказать, чьей она была протеже, оказалось, как ни странно, довольно сложно. Вроде бы участвовала она как молодой социолог в каком-то общественном проекте, проект оказался удачным, о нем докладывали на конференции в присутствии мэра, мэр заинтересовался, позвал на личную встречу разработчиков, в их числе Назарову, после чего та получила приглашение поработать в управлении общественных связей мэрии. Предложил сам Романцев, однако Назарова, почти как Гудовская в свое время, отказалась, заявив, что не понимает, чем ей в этих «общественных связях» заниматься. Тогда поступило новое предложение — прийти в Аппарат мэра, причем этот разговор с Мариной Евгеньевной составил уже Бузмакин. Вот и выходило, что Назаровой протежировали как бы оба. Хотя,

по мнению Эдика Скворцова, мог быть и кто-то третий, о ком вслух никто не говорил.

У Назаровой, по идее, не было никаких поводов недовольствоваться Бузмакиным. У них никогда не было ни особо душевных, ни особо напряженных отношений. Эдакое ровное взаимодействие в полном соответствии с классическим выражением: «Минуй нас больше всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

До Марины Евгеньевны всем, что было связано с протоколом, в Аппарате занимался каждый по необходимости и без всякой ясной системы. В результате регулярно возникали проколы, за которые влетало опять же каждому без разбора. С появлением Назаровой, довольно быстро перестроившейся с социологической работы на аппаратную, все достаточно урегулировалось, чему ближайшие коллеги были, разумеется, только рады. Марина Евгеньевна ни с кем не конкурировала, заняв, по сути, ничейную территорию.

Получалось, что Назарову невозможно было хоть в чем-то заподозрить. Но именно это и казалось Игорю самым подозрительным. А еще ему казалось, что где-то он видел эту женщину. Ну, пусть не ее конкретно – откуда ее-то? – однако похожую... Ведь почему-то зацепился за нее глаз с самого начала, хотя вроде бы ничего в ней особенного не было. Ну, симпатичная, ну, молодая, ну, глаза умные... Так дурочек мэр у себя и не держит, это факт. А таких симпатичных на каждом перекрестке по дюжине.

Игорь не то чтобы внаглую, но и не шибко таясь ее вдоволь поразглядывал, когда вместе с Казиком беседы с ней беседовал. Она же на него почти не смотрела, сосредоточившись на Казике, и, как показалось Игорю, делала это намеренно. Нет, она совершенно не старалась выказать нарочитое невнимание или, паче того, пренебрежение, просто довольно умело избегала смотреть в сторону Вандовского. Почему, спрашивается?

Спрашивал, однако, Казик, и Игорь ответил:

– Я тоже не понимаю, чем Назаровой мог насолить Бузмакин. Ни одного факта мы не имеем. И даже догадки пока никакой. Но это, может, пока?

– Может... – согласился Аркадий Михайлович. – Но у нас с вами есть еще один человек, причем самый главный. В буквальном смысле слова. Аристрах Иванович Тишаев. Не знаю, как вам, а мне, дорогой Игорь, он показался весьма любопытным господином. Вы, конечно же, обратили внимание, каким он был в кабинете Романцева и каким стал, когда мы пришли в его кабинет?

– О-о-о!.. – протянул Игорь, и в это время зазвонил телефон Казика.

– Слушаю! – откликнулся Аркадий Михайлович. – Да-да, конечно, можно прямо сейчас. Ждем. – После чего нажал «отбой» и сообщил с ухмылкой: – Долго будет жить Аристарх Иванович. Не успели мы его вспомнить, как он и объявился. В гости к нам скоро наведается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.